

Фредерик Марриет

Приключение Питера

Симпла



Фредерик Марриет
Приключение Питера Симпла

«Public Domain»

1834

Марриет Ф.

Приключение Питера Симпла / Ф. Марриет — «Public Domain», 1834

«Если я и не могу сказать, что моя жизнь была полна дерзких и опасных подвигов, то, к счастью, мне не приходится и сознаваться в тяжких преступлениях. И если я не возвышусь в глазах читателей доблестью и ревностным служением отечеству, то, по крайней мере, я могу претендовать на признание моих заслуг в усердном и настойчивом исполнении своего долга. Каждый из нас по-разному наделен свыше и каждому назначен свой жизненный путь. Но тот, кто довольствуется тем, что идет, а не бежит сломя голову по намеченной ему стезе, хотя и не так быстро добирается к цели, но имеет то преимущество, что, достигнув ее, не задыхается и не падает с ног от усталости. Я не собираюсь утверждать, что в моей жизни не было приключений. Я только хочу сказать, что во всем том, что со мной происходило, я был скорее пассивным, чем активным действующим лицом, и не искал тех приключений, о которых буду рассказывать...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	48
Глава тринадцатая	51
Глава четырнадцатая	57
Глава пятнадцатая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фредерик Марриет

Приключение Питера Симпла

Глава первая

Огромное преимущество быть в семье дураком. – Моя судьба решена, и меня в качестве части морского капитала его королевского величества отправляют к биржевому маклеру. – К моему несчастью, мистер Хадикок и дома, как на бирже, – медведь¹, и обеда мне почти не достается.

Если я и не могу сказать, что моя жизнь была полна дерзких и опасных подвигов, то, к счастью, мне не приходится и сознаваться в тяжких преступлениях. И если я не возвышусь в глазах читателей доблестью и ревностным служением отечеству, то, по крайней мере, я могу претендовать на признание моих заслуг в усердном и настойчивом исполнении своего долга.

Каждый из нас по-разному наделен свыше и каждому назначен свой жизненный путь. Но тот, кто довольствуется тем, что идет, а не бежит сломя голову по намеченной ему стезе, хотя и не так быстро добирается к цели, но имеет то преимущество, что, достигнув ее, не задыхается и не падает с ног от усталости. Я не собираюсь утверждать, что в моей жизни не было приключений. Я только хочу сказать, что во всем том, что со мной происходило, я был скорее пассивным, чем активным действующим лицом, и не искал тех приключений, о которых буду рассказывать.

Припоминая свои детские годы, я думаю, что если бы мне было позволено самому избрать свое ремесло, то я, по всей вероятности, поступил бы в ученики к портному. Дело в том, что я всегда завидовал комфорту, с каким они располагаются за своими рабочими столами, позволяющими им свысока обозревать празднующихся и деловитых прохожих, беспрерывно заполняющих главную улицу провинциального городка, вблизи которого я провел первые четырнадцать лет своей жизни.

Но мой отец, младший сын в знатной дворянской семье, священник англиканской церкви, имел приличный доход и был честолюбив, чего нельзя сказать о его сыне.

В нашем роду с незапамятных времен существовал варварский обычай приносить в жертву военно-морскому могуществу родины глупейшего в семействе. Поскольку этот обычай я считал разумным, то не имел оснований выражать недовольство. И в четырнадцатилетнем возрасте я был отобран в качестве такой жертвы.

Когда об этом было объявлено многолюдной толпе моих тетушек и кузин, собравшихся у нас на празднование Нового года, не раздалось ни одного голоса против. Наоборот, этот выбор был встречен единодушным радостным одобрением. Такое всеобщее признание моей пригодности к этой роли, разделяемое моим батюшкой, поглаживавшим меня рукой по голове, льстило мне. Я чувствовал гордость – но уввы! – так же бессознательно, как теленок с позлащенными рогами, забавляющийся цветами гирлянды, которая ясно говорит всем, кроме него самого, о готовящейся ему участи. Я даже ощущал – или воображал, что ощущаю – в себе малую толику воинского пыла, и предо мной носился призрак моего будущего величия, а в отдаленной перспективе мерещилась карета четверней и столовое серебро. Но это призрачное видение исчезло прежде, чем я успел разглядеть его как следует из-за вполне реальной физической боли, причиненной мне старшим братом Томом. Получив от отца поручение снять нагар со свечи, он воспользовался моей рассеянностью и всунул мне в левое ухо кусок тлеющего фитиля.

¹ Медведь – здесь: спекулянт на бирже, играющий на понижение.

Так как история моя не очень коротка, то я не стану слишком останавливаться на ее начале. Объявлю только читателю, что мой отец, живший в северной Англии, не считал нужным послать меня в тот городок, вблизи которого мы жили, а спустя четыре недели после решения, о котором я упомянул, отправил меня в Лондон снаружи почтовой кареты, снабдив на дорогу только одеждой зеленого цвета и полудюжиной рубашек. Во избежание всяких недоразумений в дорожном листе к моему имени было приписано: «Доставить к мистеру Хандикоку, на Сен-Клементскую улицу, № 14; провоз оплачен».

Мое расставание с семейством было поистине трогательным. Мать горько плакала, ибо, как все матери, она любила самого глупого из своих сыновей более всех прочих; сестра плакала, потому что плакала мать, а Том горланил громче всех, потому что был наказан в это время отцом за разбитое окно, четвертое на той неделе. В продолжение всего этого отец с нетерпением гулял взад и вперед по комнате: мы задерживали его обед, а он любил это единственное чувственное наслаждение, дозволенное его сану.

Наконец я отправился. Я плакал до тех пор, пока глаза мои не покраснели и не распухли до того, что веки сделались едва заметными. Слезы и грязь расписали мои щеки, подобно изразцам печи. Еще до окончания всей этой сцены, беспрестанно утирая слезы и сморкая нос, я промочил платок до последней нитки. Брат мой Том с добротой, делавшей честь его сердцу, предложил мне свой собственный и сказал, бросив на меня взгляд, в котором чувствовалась братская забота: «На тебе мой платок, Питер, он сух, как кость».

Но батюшка не хотел дожидаться, пока второй платок подвергнется участи первого. Он повел меня через зал, где, пожав руки всем мужчинам и поцеловав всех девушек, выстроившихся в ряд и закрывших глаза своими передниками, я расстался с родительской кровлей.

Кучер проводил меня до станции, с которой мы должны были отправиться. Втиснув меня в середину между двумя толстыми старухами и уложив мой маленький узелок, он поклонился, и через несколько минут мы уже катили по дороге в Лондон.

Я был слишком огорчен, чтобы в продолжение путешествия обращать на что-либо внимание. Приехав в Лондон, мы остановились в гостинице под вывеской «Синий Кабан» на улице, названия которой не помню. Я никогда не видал и не слышал о подобном звере, но он действительно был страшен: пасть его открыта и из нее торчали необыкновенно большие клыки. Меня удивляли в нем всего более клыки и копыта из чистого золота. Кто знает, думал я, может быть, в какой-нибудь из дальних стран, которые мне суждено посетить, я встречу и застрелю такое страшное чудовище? С какой поспешностью я отрежу тогда эти драгоценные части и с какой радостью по возвращении положу их к ногам моей матушки как приношение сыновьей любви! При этом мысль о матери снова вызвала слезы.

Кучер бросил кнут трактирному конюху, а вожжи на спины лошадей и слез с козел.

– Ну, молодой джентльмен, – сказал он, – здесь мы остановимся.

Потом, опустив ступеньки кареты, помогая мне выйти, он сказал носильщику:

– Билл, доставь молодого джентльмена и его сундук по этому адресу. Пожалуйста, – обратился он ко мне, – не забудьте кучера, сэр.

Я ответил, что, конечно, не забуду его, если ему того хочется, и пошел прочь вместе с носильщиком.

– Ха, он дурак – это верно! – воскликнул кучер, лишь только я отошел.

Я благополучно прибыл на Сен-Клементскую улицу в дом мистера Хандикока. Впустив меня, горничная наградила носильщика за причиненное ему из-за меня беспокойство шиллингом и указала мне на лестницу, ведущую в гостиную, в которой я нашел миссис Хандикок.

Миссис Хандикок была низенькая, худощавая женщина, то и дело кричавшая с верхней ступеньки лестницы на слуг, находившихся внизу. В продолжение всего времени, которое я провел у нее в доме, я ни разу не видал, чтобы она читала книгу или занималась шитьем. У нее был огромный серый попугай, раздиравший уши своим неприятным криком, но я до сих пор

не могу сказать, чей голос был более пронзителен – птицы или хозяйки. Впрочем, она была очень учтива и ласкова со мной, хотя и надоедала десять раз в день расспросами о том, когда я получил последнее известие о моем дедушке лорде Привиледже.

Я заметил, что она задавала подобные вопросы каждому, кто попадал случайно в ее дом. Я еще не просидел с нею и десяти минут, а узнал уже, что она «уважает моряков, потому что они защитники и хранители короля и родины», что «мистер Хандикок возвратится домой в четыре часа, и тогда мы сядем за стол». Сообщив мне эти сведения, она вскочила со стула и, стоя наверху лестницы, закричала кухарке:

– Джемайма, а Джемайма! Приготовь нам треску вареную, а не жареную.

– Нельзя, мэм, – отвечала Джемайма, – она уже обвалена в сухарях от головы до хвоста и вся изжарена.

– Ну, хорошо, Джемайма, – тогда оставь все так, как есть, – сказала леди. – Не суйте палец в клетку попугая, мой милый: он сердится на чужих. Мистер Хандикок придет домой в четыре часа, и тогда мы сядем обедать. Любите вы треску?

Так как я с нетерпением ожидал мистера Хандикок и обеда, то не без удовольствия услышал бой часов, возвестивших, что ожидаемое время настало. Миссис Хандикок вскочила снова.

– Джемайма, Джемайма! – закричала она, нагнувшись над перилами. – Четыре часа!

– Слышу, мэм! – отозвалась кухарка и вынула сковороду из печи, шипение и запах, проникнув в гостиную, заставили меня почувствовать голод еще сильнее.

Раздался стук в дверь.

– Вот твой барин, Джемайма! – закричала леди.

– Слышу, мэм! – отозвалась снова кухарка.

– Сбегайте вниз, мой милый, и впустите мистера Хандикок, – сказала его жена. – Он удивится, увидя вас.

Я исполнил желание миссис Хандикок и отворил дверь, выходящую на улицу.

– Это что за чертенок! – грубо закричал мистер Хандикок, мужчина в шесть футов ростом, в синих миткалевых панталонах, гессенских сапогах, в черном сюртуке и в таком же жилете.

Признаюсь, я смутился, но отвечал, что я мистер Симпл.

– Спрашиваю вас, мистер Симпл, что сказал бы ваш дедушка, если бы он увидел вас в сию минуту? У меня достаточно слуг, чтобы отворять двери; место молодого джентльмена в гостиной.

– Что вы так сердитесь, мистер Хандикок? – сказала ему сверху жена. – Это я просила его отворить дверь, чтобы удивить вас.

– Да, – ответил он, – вы удивили меня своей глупостью.

Пока мистер Хандикок вытирал сапоги о коврик, я поднялся наверх, тем более оскорбленный, что, по словам батюшки, мистер Хандикок был наш биржевой агент и должен был создать мне все удобства. Действительно, отец просил его об этом в письме, которое показывал мне перед отъездом.

Когда я возвратился в гостиную, миссис Хандикок шепнула мне:

– Не огорчайтесь, мой милый, все это происходит, видимо, от какой-нибудь неприятности, случившейся с мистером Хандикок на бирже.

Я был того же мнения, но не отвечал, потому что мистер Хандикок, поднявшись по лестнице, в два шага преодолел расстояние от двери до камина, повернулся к нему спиной и, подняв фалды сюртука, начал свистать.

– Готовы ли вы обедать, мой милый? – спросила леди почти с трепетом.

– Да, если обед готов, – грубо отвечал ей муж. – Мне кажется, мы всегда обедаем в четыре часа.

– Джемайма, Джемайма, подавай на стол! Слышишь ли ты, Джемайма?

– Слышу, мэ, – отвечала кухарка, – дайте только положить масла.

Миссис Хандикок села на место со словами:

– Ну, мистер Симпл, как поживает ваш дедушка, лорд Привиледж?

– Слава Богу, миссис! – ответил я в пятнадцатый раз.

Мистер Хандикок опустил фалды и стал спускаться по лестнице, предоставляя своей жене и мне выбор: следовать за ним или нет.

– Скажите, пожалуйста, миссис, – спросил я, лишь только он отошел настолько, что не мог нас слышать, – что такое сделалось с мистером Хандикоком, что он так сердит с вами?

– Когда муж чем-нибудь недоволен, непременно достается жене. Это, мой милый, одна из неприятностей брака. Мистер Хандикок, должно быть, потерпел поражение на бирже; в таких случаях он всегда бывает не в духе. Когда же ему удастся предприятие, он весел, как кузнечик.

– Сойдете вы обедать? – закричал мистер Хандикок снизу.

– Сейчас, мой милый! – ответила леди. – Я думала, ты моешь руки.

Мы сошли в столовую. Мистер Хандикок уже успел уничтожить два куска трески и оставил на блюде для жены и меня только один.

– Не угодно вам, мой милый, кусочек трески? – спросила меня леди.

– Не стоит его делить, – заметил старый джентльмен и, ухватив рыбу с помощью ножа и вилки, положил себе на тарелку.

– Я очень рада, что эта рыба нравится вам, – кротко сказала женщина и снова обратилась ко мне. – Вам подадут, мой милый, кусок хорошей жареной телятины.

Телятина появилась, и, к нашему счастью, мистер Хандикок истребил ее не всю. Однако же он отделил себе львиную часть и срезал поджаренную корочку; потом, отодвинув от себя блюдо, предоставил нам распорядиться остальным, как нам угодно. Я не успел съесть двух кусков, как он попросил меня сходить наверх и принести из буфета кувшин портеру. Я подумал, что если мне неприлично отворять двери, то, наверно, неприлично и прислуживать за столом; впрочем, повиновался, не сделав никакого замечания.

После обеда мистер Хандикок сошел в погреб за бутылкой вина.

– Что с ним нынче сделалось? – воскликнула миссис Хандикок. – Он как будто потерял целый монетный двор. Пойдемте лучше наверх и оставим его одного; может быть, выпив портвейну, он станет лучше.

Я был рад этому предложению и, чувствуя усталость, отправился спать без чаю, потому что миссис Хандикок не осмеливалась поставить самовар до прихода мужа.

Глава вторая

Экипировка на скорую руку. – К счастью, в этот день мистер Хандикок не проиграл на бирже. Я весело отправляюсь. Я еду в Портсмут. – В карете встречаюсь с матросом. Он прикидывается пьяным; но это не единственный маскарад, с которым я сталкиваюсь в моем путешествии.

На следующее утро мистер Хандикок, казалось, был в лучшем расположении духа. Он послал за портным, который шил платье волонтерам и прочим «в самый короткий срок», и заказал ему все нужное для моей экипировки с условием, чтобы оно было готово к завтрашнему дню, а иначе все будет оставлено у него. При этом он прибавил, что мне уже нанято место в дилижансе, отправляющемся в Портсмут.

– Но, сэр, – заметил этот человек, – я боюсь, что в такое короткое время...

– На вашей вывеске указано, что вы готовите платье «в самый короткий срок», – возразил мистер Хандикок с уверенностью и важностью человека, который опровергает противника его собственными доказательствами.

Это заставило замолчать портного; он обещал сделать все по желанию заказчика и ушел, сняв с меня мерку. Почти тотчас же отправился и мистер Хандикок.

В расспросах о здоровье моего дедушки и о том, что сделалось с попугаем, в жалобах миссис Хандикок по поводу того, как много денег утратил ее муж, в беспрестанном выскакивании на лестницу и разговорах с кухаркой прошел весь день до четырех часов. Мистер Хандикок постучался в дверь и был впущен, но не мной. Он в тру прыжка взбежал по лестнице и, входя в гостиную, закричал:

– Ну, Нанси, моя милая, как ты поживаешь? Потом, подойдя к жене, прибавил:

– Поцелуй меня, старушка. Я голоден как волк. Мистер Симпл, как вы поживаете? Надеюсь, вы приятно провели утро. Мне надо вымыть руки и сменить обувь, моя милая; я не хочу садиться за стол в таком виде. Ну, Полли, как твое здоровье?

– Я рада, что вы чувствуете аппетит, мой милый, – сказала жена, излучая улыбку, – я приготовила вам прекрасный обед. Джемайма, накрывай проворнее на стол: мистер Хандикок голоден.

– Сейчас, мэм, – ответила кухарка, и миссис Хандикок последовала за мужем в спальню, находившуюся на том же этаже, чтобы помочь ему переодеться.

– Клянусь Юпитером, Нанси, я славно надул быков²! – сказал мистер Хандикок, когда мы сели за стол.

– О, как я этому рада! – сказала, улыбаясь, жена.

– Мистер Симпл, – обратился мистер Хандикок ко мне, – вы позволите предложить вам кусочек рыбы?

– Да, сэр, если вы сами не хотите скушать всю, – ответил я учтиво.

Миссис Хандикок нахмурила брови и покачала головой, между тем как муж преспокойно обслуживал мне.

– Вот вам кусок рыбы, голубчик, – отвечал он.

В этот день мы оба получили свои порции, и я никогда не видал человека учтивее мистера Хандикока. Он шутил с женой, два или три раза предлагал мне вина, говорил о моем дедушке – одним словом, мы прекрасно провели с ним вечер.

На следующий день мне принесли платье, но мистер Хандикок, все еще сохранявший веселое расположение духа, сказал, что не позволит мне ехать ночью, что я должен ночевать у него и отправиться в путь не раньше следующего утра. В шесть часов я действительно отпра-

² Быки – здесь: спекулянты на бирже, играющие на повышение.

вился и еще до восьми подъехал к гостинице под, вывеской «Слон и Башня», в которой мы остановились на четверть часа.

Я смотрел на вывеску, представляющую это животное с башней на спине; мне казалось, что эта башня одинаковой величины и тяжести с той, которую я видел в городе Алнике, и я старался вообразить себе чудовищные размеры слона, как заметил столпившийся на углу народ. Я спросил джентльмена в полосатом плаще, сидевшего около меня, какое чудо привлекает столько народа.

– Пьяный матрос, и больше ничего, – отвечал он. Желая получше рассмотреть пьяного, я приподнялся со своего места, находившегося в заднем отделении кареты.

Зрелище это было для меня совершенно ново и возбуждало мое любопытство. Но, к моему удивлению, матрос, шатаясь, отделился от толпы и поклялся, что поедет в Портсмут. Он вскарабкался по колесам кареты и уселся возле меня. Должно быть, я слишком пристально глядел на него, потому что, обращаясь ко мне, он сказал:

– Что ты разинул рот, молокосос? Ты намерен, кажется, ловить мух? Или ты никогда не видал пьяного?

Я объяснил, что еще не был на море, но отправляюсь туда³.

– Ну, так у тебя, как у медвежонка, все неприятности еще впереди. Вот так, сердечный! Ты будешь получать на борту жалованье обезьян – более пинков, нежели полупенсов. Эй, слышишь, ты, с кружками, подай нам еще пинту эля.

Трактирный слуга, прислуживавший в это время пассажирам в карете, вынес эль, половину которого матрос выпил, а другую выплеснул ему в лицо.

– А это твоя доля, – сказал он. – Ну, что с меня следует?

Слуга, рассерженный, но слишком боявшийся матроса, чтобы возражать, потребовал четыре пенса. Матрос вынул горсть банковских билетов, перемешанных с золотой, серебряной и медной монетой, и уже готовился заплатить за пиво, как нетерпеливый кучер ударил по лошадям.

– Даем деру! – закричал матрос, опуская деньги в карман своих брюк. – Вот так и ты научишься поступать, мой милый, после пары крейсерских походов.

Все это время сидевший возле меня джентльмен в шотландском плаще курил сигару и не говорил ни слова.

Я завязал с ним разговор о моем ремесле и спросил, правда ли, что его трудно изучить.

– Трудно изучить! – перебил нас матрос. – Ну, нет. Это нашему брату, простому матросу, трудно учиться, а вы, кажется, мичман: таким молодцам немногому надо учиться! Они сделают свой еженедельный отчет, и все остальное время, засунув руки в карманы, расхаживают себе взад да вперед. Вам надобно учиться есть пирожки, пить грог и называть кота попрошайкой – вот и все, что умеет в наше время мичман. Я правильно говорю, сэр? – сказал он, обращаясь к джентльмену в шотландском плаще. – Я спрашиваю вас, потому что, мне кажется, вы моряк, прошу извинить, сэр, – добавил он, приложив палец к шляпе, – не примите этого в обиду.

– Я боюсь, что ты почти отгадал, мой милый, – ответил джентльмен.

Пьяный парень вступил с ним в разговор и объявил, что он получил отставку с корабля «Смелый» в Портсмуте и отправился в Лондон прокутить деньги с товарищами. Однако вчера только он заметил, что портсмутский еврей продал ему за пятнадцать шиллингов золотую печатку, оказавшуюся потом медной. И потому он отправляется снова в Портсмут, чтобы поставить этому еврею пару синяков под глазами за его мошенничество. Сделав это, он возвратится к своим товарищам, обещавшим вплоть до его возвращения пить за успех его предприятия в гостинице «Петух и Бутылка».

³ Пьяный – по простонародному английскому выражению, т. е. буквально, полморя сверху или по-нашему море по колено. Питер Симпл понял из этого выражения только одно слово – море; вот почему он дает такой неуместный ответ.

Джентльмен в шотландском плаще похвалил его за такое намерение и добавил, что хотя путешествие в Портсмут и обратно будет стоить ему вдвое дороже золотой печати, но чего не сделаешь ради благого дела.

Всякий раз, как останавливалась карета, моряк требовал еще эля и всякий раз выплескивал его остатки, которые не мог допить, в лицо человека, подававшего эль. Он делал это именно в ту минуту, когда кучер трогался с места, причем бросал к ногам слуги оловянную кружку, приказывая поднять ее. С каждой станцией он становился пьянее, так что на последней перед Портсмутом, вынув деньги, он не нашел среди них ни одной серебряной монеты и должен был просить слугу разменять банковский билет. Слуга смял билет и положил в карман, потом принес сдачу с одного фунта стерлингов. Но джентльмен в шотландском плаще заметил, что матрос давал ему пятифунтовый билет; избличив в этом слугу, он предложил сам разменять деньги. Моряк взял свои деньги из рук слуги, который, краснея, просил извинить его.

– Это, право, по ошибке, – повторял он.

– Я тоже прошу извинить, – усмехнулся моряк, кинув в него оловянную кружку с такой силой, что она плюснулась об его голову, и несчастный упал без чувств на дорогу.

Кучер ударил по лошадям, и я до сих пор остаюсь в неведении, остался в живых тот человек или нет.

Когда карета тронулась, моряк посмотрел с минуту или две на джентльмена в шотландском плаще.

– Когда я в первый раз увидел вас, – сказал он, – я подумал, что вы переодетый офицер; но теперь, когда я увидел, что у вас такие зоркие глаза на деньги, я прихожу к мысли, что вы младший лейтенант какого-нибудь купеческого корабля. Вот вам полкроны за вашу услугу; я дал бы вам больше, если бы был уверен, что вы их истратите.

Джентльмен улыбнулся и взял полукрону, которую, как я после заметил, он отдал седому нищему, попавшемуся нам у подошвы Потсдаунского холма. Я спросил его, скоро или мы приедем в Портсмут; он ответил, что мы как раз въезжаем в черту города, но я не видал никакой черты и стыдился показать свое невежество. В свою очередь, он спросил меня, на какой корабль хочу я поступить. Я не мог припомнить его названия и ответил, что оно написано на крышке моего сундука, который везут вслед за мною в повозке.

– Мне помнится, – сказал я, – это французское название.

– Вы не имеете рекомендательного письма к капитану? – спросил он.

– Имею, – ответил я и вынул бумажник, в котором находилось письмо. – Капитану Савиджу, его королевского величества корабль «Диомед», – продолжал я, читая адрес.

К моему удивлению, он хладнокровно приступил к распечатыванию письма; едва я заметил это, как тотчас же вырвал его, сказав, что этот поступок бесчестен, и что, по моему мнению, он не достоин называться джентльменом.

– Как вам угодно, юноша, – ответил он. – Но помните, вы сказали, что я не джентльмен.

Он завернулся в свой плащ и не говорил более ни слова. Что касается меня, то я очень доволен был тем, что решительным поведением принудил его к молчанию.

Глава третья

Я синее от страха в гостинице «Голубые Столбы». – Меня окружают злые духи, и вскоре мной овладевают винные пары. – Прихожу засвидетельствовать мое почтение капитану и нахожу, что уже имел удовольствие видеться с ним. – Едва избавляюсь от одной беды, попадаю в другую.

Когда мы приехали, я попросил кучера показать мне лучшую гостиницу. Он ответил, что лучше всех гостиница «Голубые Столбы», в которой мичманы оставляют свои чемоданы, заказывают чай и жаркое и забывают иногда платить за завтраки. Говоря это, он улыбался, и я подумал, что он шутит, но он указал мне пальцем на два огромных голубых столба у дверей, находившихся недалеко от конюшни, и сказал, что все мичманы останавливаются в этой гостинице. В заключение он попросил меня не забыть кучера.

На этот раз я понял, что мне нужно дать ему шиллинг; исполнив это, я отправился в гостиницу. Кофейная была наполнена мичманами, и так как я опасался за свой сундук, то спросил одного из них, известно ли ему, когда приедет карета.

– Не ожидаете ли вы вашей матушки? – спросил он.

– О нет! Я ожидаю свое форменное платье; в этой одежде я хожу только, пока оно прибудет.

– Скажите, пожалуйста, на какой корабль вы намерены поступить?

– Он называется по-французски, как-то вроде «Даймед», капитан Томас Керкуол Савидж.

– «Диомед»... Робинсон, не тот ли это фрегат, на котором мичманы получили по четыре дюжины палок за то, что не сдали своих еженедельных отчетов к субботе?

– Тот самый, – ответил другой. – Да что там! Капитан на днях задал пять дюжин палок одному юнге за то, что тот стоял на часах в красной ленте.

– Это величайший варвар на службе, – продолжал третий, – во время последней своей крейсерской операции он пересек всю вахту штирборта, потому что корабль делал только девять узлов на булине.

– Ах, Боже мой, – воскликнул я, – какое несчастье, что я должен поступать к нему!

– Я сердечно жалею вас; он забудет вас до смерти. У него сейчас только три мичмана на корабле, остальные сбежали. Не так ли, Робинсон?

– Пет, сейчас у него только два; несчастный Майкл умер от усталости. Он работал ежедневно, каждую ночь, в течение шести недель стоял на вахте, и в одно утро был найден мертвым на своем сундуке.

– Помилуй Бог! – воскликнул я. – Однако, говорят, на берегу он очень ласков со своими мичманами.

– Да, – подтвердил Робинсон, – он везде распространяет этот слух. Заметьте, когда он в первый раз позовет вас к себе и вы станете рапортовать, что приехали служить на его корабль, он скажет, что очень рад видеть вас и надеется что ваша семья в добром здравии; потом посоветует идти на борт и учиться службе. После этого будьте настороже. Помните, что я сказал, и скоро удостоверитесь, что это правда. Садитесь-ка лучше с нами, да выпейте стакан грогу; это придаст бодрости вашему духу.

Эти мичманы столько наговорили мне о моем капитане и о страшных жестокостях, которые он позволял себе, что я подумал, не лучше ли воротиться домой. Когда я спросил их мнение об этом, они сказали, что если я это сделаю, то буду схвачен и повешен, как дезертир, и что лучший план – просить капитана принять несколько галлонов рома, потому что он очень любит грог, и, может быть, я буду в милости у него, пока не выйдет весь ром.

Я с сожалением должен признаться, что мичманы напоили меня в этот вечер.

Не помню, как они положили меня в постель, но на следующее утро я проснулся со страшной головной болью и смутно сознавал, что происходило вчера. Мне было очень совестно, что я так скоро забыл наставления своих родителей, и я давал про себя обет никогда не делать таких глупостей, когда вошел мичман, поступивший так ласково со мной в прошедшую ночь.

– Ну, мистер Зеленое Стекло, – закричал он, намекая, как я полагаю, на цвет моей одежды, – вставайте и завтракайте. Вас дожидается внизу командир судна, сопровождающего корабль. Его прислал капитан. Клянусь чертом, вы порядочно покутили вчера.

Вчера ночью! – воскликнул я с удивлением. – Разве капитан знает, что я был пьян?

– Вы в театре дьявольски старались обратить на это его внимание.

– В театре! Разве я был в театре?

– Конечно, были. Вы непременно хотели идти, хотя страшно были пьяны – и делали там все, от чего мы старались отговорить вас. Ваш капитан был там с дочерьми адмирала. Вы называли его тираном и ткнули в него пальцем. Как, вы не помните этого? Вы сказали ему, что вам на него плевать.

– Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! Что мне делать? Что мне делать? – вскрикнул я. – Матушка моя предостерегала меня от пьянства и дурного общества.

– Дурное общество! Ах ты, щенок! Что ты хочешь этим сказать?

– Я не говорю именно про вас.

– Надеюсь. Итак, я, как друг, советую вам отправиться как можно скорее в гостиницу «Джордж» и повидаться с вашим капитаном, потому что чем больше вы станете думать, тем хуже. Во всяком случае, еще неизвестно, примет он вас или нет. Ваше счастье, что вы еще не записаны в корабельную книгу. Ну же, поторапливайтесь, а то командир судна так и ушел, не дождавшись вас.

– Не записан в корабельную книгу! – отозвался я печально. – Теперь я припоминаю: капитан писал моему отцу, что он уже записал меня.

– Клянусь честью, мне жаль вас, право, жаль, – вздохнул мичман и вышел из комнаты с таким печальным видом, как будто бы несчастье касалось его самого.

Я встал с тяжелой головой и еще более тяжелым сердцем, оделся и попросил показать мне дорогу в гостиницу «Джордж». Я взял с собой рекомендательное письмо, хотя и боялся, что оно принесет мне мало пользы. Придя туда, я спросил дрожащим голосом, не здесь ли остановился мистер Томас Керкуол Савидж, капитан его королевского величества корабля «Диомед». Слуга отвечал, что он завтракает с капитаном Кортнеи, но что он доложит обо мне. Я сказал свое имя; через несколько минут он вернулся и просил меня подняться наверх. О, как билось мое сердце! Я никогда не чувствовал такого страха и думал, что упаду на лестнице. Дважды решался я было войти в комнату, и каждый раз ноги подкашивались подо мной; наконец, я отер пот с лица и, сделав над собой отчаянное усилие, вошел.

– Мистер Симпл, я очень рад видеть вас, – сказал кто-то.

Боясь взглянуть на него, я опустил голову; но голос был так ласков, что я собрал всю свою смелость и, подняв голову, увидел, в мундире с эполетами и саблей на боку, того самого пассажира в шотландском плаще, который хотел распечатать мое письмо и которому я сказал в глаза, что он не джентльмен.

Мне казалось, что я вот так и умру здесь, подобно тому мичману, которого нашли мертвым на сундуке. Я уже готов был упасть на колени и просить прощения, как капитан, заметив мое смущение, разразился смехом и сказал:

– Так вы узнали меня, мистер Симпл? Успокойтесь, вы исполняли свою обязанность, не позволив мне распечатать письмо, так как вы предполагали, что я не тот, кому оно адресовано. И потому вы имели право сказать, что я не джентльмен; я прощаю вам. Теперь не угодно ли вам сесть и позавтракать? Капитан Кортнеи, – обратился он к другому капитану, сидевшему за

столом, – это один из юношей, недавно поступивший на службу. Мы были вчера пассажирами в одной и той же карете.

Потом он рассказал ему о случившемся, чему оба чистосердечно смеялись.

Я немного ободрился, но меня все еще беспокоило произошедшее в театре, и я думал, что он, может быть, не узнал меня. Другой капитан вскоре освободил меня и от этого страха.

– Вы были прошлой ночью в театре, Савидж? – спросил он.

– Нет, я обедал у адмирала. Невозможно расстаться с этими девочками; они так забавны.

– А я думаю, что вас любовь приковывает к этому дому.

– Вообще нет, честное слово! Это могло случиться, если бы у меня было время определить, которую я больше люблю. Сейчас моя жена – корабль, и это единственная жена, которую я буду иметь, пока не сяду на мель. «Хорошо, – подумал я, – если он не был в театре, то, значит, я обидел не его. Теперь мне остается только дать ему рому и сделать таким образом своим другом».

– Скажите, мистер Симпл, как поживают ваш батюшка и ваша матушка? – спросил капитан.

– Слава Богу, покорно вас благодарю, сэр; они просят кланяться вам.

– Очень благодарен им. Теперь, я думаю, чем скорее вы подниметесь на борт и начнете приучаться к службе, тем лучше.

«Совершенно то, что говорил мне мичман, – те же самые слова, – думал я. – Так, стало быть, все это правда!» И я снова почувствовал дрожь.

– Я хочу дать вам небольшой совет, – продолжал капитан. – Во-первых, повинуйтесь своему начальству беспрекословно; мое, а не ваше дело судить, справедливо ли приказание, или нет; во-вторых, никогда не бранитесь и не пейте крепких напитков. Первое безнравственно и недостойно джентльмена, второе – низкая привычка, которая со временем очень усиливается. Я сам никогда не прикасался к вину и надеюсь, что мои джентльмены будут также от него воздерживаться. Теперь ступайте и, как только привезут вам форменное платье, извольте явиться на борт. А пока, так как во время нашего путешествия я имел случай познакомиться с вашим характером, позвольте посоветовать вам не быть слишком откровенным с людьми, которых вы видите в первый раз, иначе вы легко можете совершить неблагоприятный поступок. Прощайте.

Я вышел из комнаты с низким поклоном, радуясь, что так легко преодолел то, что казалось мне морем затруднений, но голова все еще была занята тем, что мне наговорили мичманы и что так несообразно было со словами и поступками капитана.

Придя в гостиницу «Голубые Столбы», я застал мичманов по-прежнему в кофейной и рассказал им обо всем случившемся. Когда я закончил, они разразились смехом и сказали, что пошутили со мной.

– Хорошо, – сказал я, обращаясь к тому из них, который приходил будить меня утром, – вы можете называть это шуткой, но я называю это ложью.

– Скажите, мистер Зеленое Стекло, это вы мне говорите?

– Точно так, – подтвердил я.

– В таком случае, сэр, как джентльмен, я требую удовлетворения. Черт возьми! Лучше смерть, нежели бесчестье.

– Я не откажусь удовлетворить вас, – парировал я, – хотя и не желаю дуэли. Батюшка советовал мне избегать ее, потому что этим мы оскорбляем нашего Творца; но так как он знал, что я должен поддерживать достоинство офицера, то позволил мне поступать по желанию в тех случаях, когда я подвергнусь этой несчастной необходимости.

– Мы после успеем послушаться проповедей вашего батюшки, – возразил мичман (я успел уже сказать, что мой отец принадлежал к духовенству), – теперь главный вопрос: хотите вы драться или нет?

– Нельзя ли дело уладить иначе? – вмешался другой. – Не захочет ли мистер Зеленое Стекло отказаться от своих слов?

– Мое имя Симпл, сэ, а не Зеленая Пачка, – возразил я, – так как он солгал, то я не возьму своих слов назад.

– Ну, так дуэль должна состояться, – сказал мичман. – Робинсон, вы обяжете меня, если согласитесь быть моим секундантом.

– Это неприятная обязанность, – заметил тот, – вы так искусно стреляете; но так как вы просите, то я не могу отказать. Мистер Симпл, кажется, не имеет здесь друга?

– Нет, имеет, – возразил другой мичман. – Он горячий парень, и я хочу быть его секундантом.

Решили, что мы на следующее утро будем стреляться. Я рассудил, что, как офицеру и джентльмену, мне неприлично отказать; но это было мне очень не по сердцу. Не прошло еще и трех дней, как я предоставлен самому себе, и я уже успел напиться и должен теперь драться на дуэли. Я удалился в свою комнату и написал матушке длинное письмо, в которое вложил прядь своих волос. Слезы полились у меня из глаз при мысли, как будет горевать она, если меня убьют; я попросил Библию у трактирного слуги и читал ее весь остальной день.

Глава четвертая

Утром перед завтраком меня учат стоять под огнем и таким образом доказывать свою храбрость. После завтрака я доказываю также и свою любезность. – Мои доказательства вызывают порицание. – Женщины – корень всех бед! Из-за одной из них я лишаюсь свободы, из-за другой – денег.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовал в груди какую-то тяжесть, в которой не мог отдать себе отчета; но, встав с постели и собрав рассеянные мысли, я вспомнил, что через час или два должен решиться вопрос: жить мне или нет. Я усердно помолился Богу и решил не пятнать свою совесть кровью ближнего, а выстрелить в воздух. Возымев это намерение, я уже не чувствовал прежнего беспокойства.

Не успел я одеться, как в комнату вошел мичман, вызвавшийся быть моим секундантом, и объявил, что дуэль назначена в саду, позади гостиницы, и что мой противник отличный стрелок, так что я непременно буду подстрелен, если не застрелен.

– А в чем разница между подстреленным и застреленным? – спросил я. – Я не только в жизни своей не был на дуэли, но даже ни разу не стрелял из пистолета.

Он объяснил мне, что подстрелить – значит попасть в руку или ногу, а застрелить – убить наповал, попав в грудь.

– Но, – продолжал он, – неужели вы никогда не были на дуэли?

– Нет, – отвечал я. – Мне еще едва пятнадцать лет.

– Едва пятнадцать! А я думал, вам, по крайней мере, восемнадцать!

Я действительно был слишком высок и силен для своего возраста, и все считали меня старше годами, чем я был на самом деле.

Я оделся и последовал за секундантом в сад, где собрались уже мичманы и несколько трактирных слуг. Все они казались очень веселыми, как будто ставили жизнь ближнего ни во что. Секунданты, после краткого совещания, отмерили двенадцать шагов, и каждый из нас занял свой пост. Кажется, я был бледен, потому что мой секундант, подойдя, шепнул мне, чтоб я не боялся. Я отвечал, что ничего не боюсь, но что считаю эту минуту слишком торжественной. Секундант противника выступил вперед и спросил, не хочу ли я извиниться, но я отказался, как и прежде. Нам подали по пистолету, и секундант показал мне, как нужно спускать курок. Решили, что мы по первой команде выстрелим оба в одно время. Я был уверен, что меня ранят, если не убьют, и, закрыв глаза, выстрелил в воздух. Я чувствовал, как закружилась у меня голова, мне показалось, что я ранен; но, к счастью, это было не так. Пистолеты были заряжены снова, и мы вторично выстрелили. Тут вмешались секунданты и заставили нас пожать друг другу руки. Я с удовольствием согласился на это; мне казалось, жизнь моя спасена чудом. Мы возвратились в кофейную и сели завтракать. Мичманы сказали мне, что они служат на одном корабле со мной и что очень приятно видеть, что я в состоянии выдержать огонь, потому что капитан их страшный человек для тех, которые обращаются в бегство перед неприятельской батареей.

На следующий день с повозкой прибыл мой сундук; я снял свое зеленое платье и надел форменное. У меня не было треугольной шляпы с загнутыми кверху полями и кинжала, какие носили тогда военные, потому что мистер Хандикок упустил из виду эту статью и решил, что я достану себе все это в Портсмуте. Справившись о цене этих вещей, я нашел, что они стоили гораздо больше того, что у меня было в кармане. Я изорвал письмо, написанное матушке перед дуэлью, и написал другое, в котором просил прислать денег для покупки кинжала и загнутой шляпы. Потом я вышел в своем мундире, которым, признаюсь, довольно-таки гордился. Теперь я был уже офицер на службе его величества, конечно, не большого чина, но все-таки офицер и

джентльмен; я решился поддержать достоинство этого звания, хотя меня и считали глупейшим в семействе.

Подойдя к месту, называемому Саллипорт, я встретил молодую леди, прекрасно одетую, которая, посмотрев на меня очень пристально, спросила:

– Вы довольны своим бельем, мичман?

Я был поражен этим вопросом и еще более участием, которое она, казалось, принимала в моих делах.

– Благодарю вас, – ответил я. – У меня четыре уиндзорские рубашки и два желтых воротника, которые надобно выстирать.

Она улыбнулась ответу и пригласила меня к себе обедать. Меня удивило это учтивое предложение, которое я, по своей скромности, приписывал более мундиру, нежели личным достоинствам. Не желая отказаться, я ответил, что соглашаюсь с удовольствием. И счел предложить руку, которую леди приняла, и мы отправились по Хай-стрит к ее дому.

Неподалеку от дома адмирала я заметил моего капитана, шедшего навстречу мне с адмиральскими дочерьми. Я весьма рад был случаю показать ему, что знаком с дамами не хуже его собственных, и, проходя мимо него с молодой леди, бывшей под моим покровительством, отвесил ему низкий поклон. К моему удивлению, он не только не ответил на него, но даже посмотрел на меня весьма строго. Я заключил, что он гордец, и про себя пожелал, чтобы дочери адмирала подумали, что он не знает в лицо своих мичманов. Не успел я еще оправиться от замешательства, в которое привело меня это происшествие, как капитан, проводивший своих дам в дом адмирала, послал за мной слугу с приказанием немедленно явиться к нему в гостиницу «Джордж», находившуюся напротив.

Я извинился перед молодой леди и обещал возвратиться тотчас же, если она согласна подождать меня. Она ответила, что если меня зовет капитан, то, значит, я буду иметь от него ужасную взбучку, и он отошлет меня на борт. Пожелав мне успеха, она оставила меня и отправилась домой одна.

Я столько же понимал во всем этом, как и в том, почему капитан посмотрел на меня так грозно, когда мы с ним повстречались. Но все объяснилось, лишь только я вошел.

– Я очень сожалею, мистер Симпл, – сказал он, – что в таком молодом человеке, как вы, так рано проявляются все признаки безнравственности. Еще более грустно мне видеть, что вы не имеете той деликатности, которой не лишены даже самые закоренелые развратники; деликатности, заставляющей скрывать свою безнравственность, а не унижать себя и не оскорблять своего капитана, бесстыдно признаваясь в своем разврате, можно сказать, хвастаясь пороком и выставляя его напоказ среди бела дня и на самой многолюдной улице города.

– Ах, Боже мой! Что же я такое сделал, сэр? – воскликнул я с удивлением.

Капитан обратил на меня свой пронизательный взгляд; казалось, он хотел пронзить меня насквозь и пригвоздить к стене.

– Не хотите ли вы сказать, сэр, что не знаете особы, с которой давеча шли?

– Нет, сэр, – ответил я, – мне известно только то, что она ласковая и добрая девушка.

И я рассказал ему, как она заговорила со мной и что потом было между нами.

– Возможно ли, мистер Симпл, чтоб вы были таким дураком?

Я подтвердил, что действительно считаюсь величайшим дураком в нашем семействе.

– Я теперь сам так думаю, – сказал он сухо. Потом он объяснил мне, кто та особа, с которой я был в компании, и сказал, что всякое общение с ней неизбежно приведет меня к позору и гибели.

Это весьма опечалило меня; я стыдился своей глупой ошибки и сожалел, что упал в глазах капитана. На вопрос его, что я делал с тех пор, как приехал в Портсмут, я признался, что был пьян, пересказал все, что мне наговорили мичманы, и сказал, что имел сегодня утром дуэль.

Он с вниманием выслушал мою историю, и мне казалось, что появлялась улыбка на его лице, хотя он и кусал губы, чтобы скрыть ее.

– Мистер Симпл, – сказал он, когда я кончил, – я не могу позволить вам дальше оставаться на берегу, пока вы не приобретете больше жизненного опыта. Я прикажу командиру сопровождающего судна не спускать с вас глаз, пока вы не окажетесь на борту фрегата. Когда вы проведете со мной несколько месяцев в море, вы в состоянии будете решить, таков ли я, каким описали меня молодые джентльмены с единственным намерением, как я думаю, посмеяться над вашей неопытностью.

Я рад был, когда все это кончилось. Я видел, что капитан поверил моему рассказу и расположен отнестись ко мне снисходительно, хотя и считает меня дураком. Командир судна, сопровождающего корабль, ожидавший его приказаний, проводил меня в гостиницу «Голубые Столбы». Я уложил свое платье, заплатил трактирщику, и дворник повез мой сундук в Саллипорт, где нас ожидал бот.

– Скорей, ребята, проворнее! Капитан приказал доставить этого молодого джентльмена прямо на борт.

Пьянство и волокитство за Долли Мопс лишили его свободы.

– Я желал бы, чтоб вы были почтительнее в своих замечаниях, мистер командир судна, – сказал я с неудовольствием.

– Мистер командир судна! Благодарю вас, сэръ, за довесок, который вы добавляете к моей должности. Ну, ребята, работайте сильнее веслами!

– Эй, Билл Фримен, – закричала одна молодая женщина с берега, – что это у вас за хорошенький молодой джентльмен! Он настоящий Нельсон! Послушайте, молодой офицер, одолжите мне шиллинг!

Мне так понравилось, что эта женщина назвала меня Нельсоном, что я тотчас же исполнил ее просьбу.

– У меня нет шиллинга, – сказал я, – но вот полукрона; разменяйте ее и принесите мне назад восемнадцать пенсов!

– Благодарю, вы прекрасный молодой человек! – сказала она, взяв монету. – Я возвращусь сию минуту, мой милый.

Люди, находившиеся в боте, усмехнулись, а командир судна приказал отчаливать.

– Нет, – возразил я, – вы должны подождать мои восемнадцать пенсов.

– Я подозреваю, что нам придется ждать дьявольски долго. Мне знакома эта девка, у нее преплохая память.

– Она не может быть так бесчестна и неблагодарна. Мистер командир судна, я приказываю вам ждать – я офицер.

– Знаю, что вот уже почти шесть часов, как вы офицер. Хорошо! Но только я пойду к капитану и доложу ему, что у вас уже другая девка на буксире и что вы не хотите ехать на корабль.

– Ах, нет, мистер командир судна, прошу вас, не делайте этого. Отчаливайте, если вам угодно, и не думайте о моих восемнадцати пенсах.

Бот отчалил от берега и направился к кораблю, стоявшему в Спитхede.

Глава пятая

Я вступаю на палубу и представляюсь старшему лейтенанту, который решает, что я очень смышлен. – Спускаюсь вниз к миссис Троттер. – Супружеское счастье в кубрике. – Миссис Троттер берет меня в сотрапезники. – Я удивлен, что многие узнают во мне моего отца.

Когда мы прибыли на борт, командир судна подал записку от капитана старшему лейтенанту, оказавшемуся в это время на палубе. Он прочел записку, строго посмотрел на меня, и я слышал, как он сказал второму лейтенанту:

– Служба теперь ни к черту не годится. Пока она не была столь популярна, мы хотя и не отличались образованностью, а все-таки могли надеяться на то, что наши природные способности сделают ее доступной нам; теперь же, когда высшее общество стало посылать своих сыновей во флот, у нас собирается вся дурная трава их семейств. Как будто из любого материала, как бы он ни был плох, можно сделать капитана военного корабля, у которого на плечах больше ответственности, от которого его положение требует больше рассудительности, чем от кого бы то ни было. Вот еще один дурак, пожертвованный своим семейством в подарок отечеству, – вот еще щенок, которого я должен вышколить. Ну, да я еще не встречал такого, из которого не мог бы сделать чего-либо. Где мистер Симпл?

– Я мистер Симпл, сэр! – отвечал я, весьма ошеломленный тем, что мне пришлось подслушать.

– Ну, мистер Симпл, – повернулся ко мне старший лейтенант, – обратите особое внимание на то, что я вам скажу. Капитан говорит в своем письме, что вы оказались до крайности глупым. Но, сэр, меня этим не надуете. Вы нечто вроде обезьян, которые не хотят говорить из страха, чтобы их не заставили работать. Я внимательно смотрел вам в лицо и заметил, что вы очень смышлены; если вы не намерены доказать мне это в самое короткое время, то лучше вам сразу броситься за борт. Вот так! Вы поняли меня? Я знаю, что вы очень смышленный парень, и если я говорю это, так уж не надейтесь разуверить меня – это ни к чему не приведет.

Эта речь напугала меня, но в то же время мне приятно было слышать, что он считает меня смышленным, и я решил всеми силами стараться удержать за собой эту неожиданную репутацию.

– Квартирмейстер⁴, – сказал старший лейтенант, – прикажите мистеру Троттеру выйти на палубу.

Мистер Троттер появился в сопровождении квартирмейстера, извиняясь, что так замарался, перетаскивая бочонки из трюма. Это был коротенький толстяк лет тридцати, с носом, на котором возвышалась красная бородавка, с грязными зубами и огромными черными усами.

– Мистер Троттер, – сказал старший лейтенант, – вот молодой джентльмен, поступивший на наш корабль. Отведите ему место в мичманской каюте и прикажите повесить его койку. Присматривайте за ним немножко.

– Мне, право, некогда присматривать, сэр, – возразил мистер Троттер, – но я постараюсь сделать, что могу. Пойдемте, молодой человек.

Я сошел вслед за ним по лестнице, потом по другой, наконец, к моему удивлению, он попросил меня сойти по третьей и тут только объявил, что я нахожусь в кубрике.

– Ну, молодой человек, – сказал мистер Троттер, садясь на огромный сундук, – вы можете делать, что вам угодно. Мичманы обедают наверху; если вы хотите, можете присоединиться к ним. Но я по дружбе скажу вам: они вам будут надоедать целый день, и вы раскаетесь, что познакомились с ними: кто послабее, тот должен держаться от них подальше. Но, может быть, вы не того мнения? Мы теперь в гавани, и я обедаю здесь, потому что миссис Троттер на борту.

⁴ Квартирмейстер – здесь: старшина-рулевой.

Она прекрасная женщина, могу вас заверить; вы ее увидите сию минуту – она только что вышла на камбуз присмотреть за котелком картофеля. Если угодно, я попрошу ее позволить вам обедать с нами. Лучше держаться подальше от мичманов; этот дурной народ научит вас всему, что только безнравственно и скверно. Кроме того, у вас будет преимущество находиться в хорошем обществе. Миссис Троттер была принята в лучших домах Англии. Я предлагаю вам это из желания доставить удовольствие старшему лейтенанту, который, кажется, принимает в вас участие, иначе я бы не очень-то охотно сделал вас свидетелем моего семейного счастья.

Я ответил, что очень благодарен за внимание, и если это не стеснит миссис Троттер, то почту за счастье принять его предложение. И в самом деле, я счел себя счастливым, что встретил такого друга.

Не успел я сказать это, как заметил наверху лестницы пару ног в черных бумажных чулках. Оказалось, что они принадлежали миссис Троттер, которая сошла с лестницы, держа сеточку, полную дымящегося картофеля.

– Клянусь честью, миссис Троттер, вы, должно быть, очень уверены в красоте ваших ног, иначе вы не рисковали бы показывать их мистеру Симплу, молодому человеку, которого я вас прошу принять в наше общество и который, с вашего позволения, будет обедать с нами.

– Милый Троттер, как жестоко было с вашей стороны не предупредить меня! Я думала, что внизу никого нет. Мне, право, так совестно, – продолжала леди, улыбаясь и закрывая лицо свободной рукой.

– Теперь уж этому не поможешь, моя милая, да и не из-за чего совеститься. Надеюсь, вы будете добрыми друзьями с мистером Симплом. Кажется, я говорил уже, что он желает обедать с нами.

– Я уверена, что мне приятно будет в его обществе. После общества, к которому я была приучена, мистер Симпл, мне непривычно здесь; но любовь способна на всякие жертвы, и прежде чем расстаться с моим милым Троттером, которому не повезло в денежном отношении...

– Ни слова об этом, моя милая! Семейное счастье заменяет все, освещает даже этот мрачный кубрик.

– И однако ж, – продолжала миссис Троттер, – когда я подумаю о том времени, когда мы жили в Лондоне и держали собственный экипаж... Были ли вы когда-нибудь в Лондоне, мистер Симпл?

Я отвечал утвердительно.

– Так вы, вероятно, знаете или слышали о Смидах? Я отвечал, что единственно, с кем я познакомился там, были мистер и миссис Хандикок.

– Ах, если бы знала, что вы будете в Лондоне, я с удовольствием дала бы вам рекомендательное письмо к Смидам. Это знатнейшая из тамошних фамилий.

– Но, милая моя, – прервал мистер Троттер, – не время ли позаботиться об обеде?

– Сию минуту! У нас будет сегодня жаркое на вертеле. Прошу извинить, мистер Симпл.

И миссис Троттер отправилась наверх, попросив меня предварительно, довольно кокетливо, отвернуться.

Так как читатель, вероятно, желает знать, какова была ее внешность, то я возьму на себя труд описать ее. У нее была недурная фигура, а в известный период жизни, я полагаю, и лицо весьма приятно; но ко времени моего знакомства с ней в нем отчетливо стали видны следы разрушительного действия времени и трудов. Короче, ее можно было назвать поблекшей красавицей, щегольски одетой, но не очень опрятной.

– Очаровательная женщина миссис Троттер! Не правда ли, мистер Симпл? – сказал ее супруг, с которым я, конечно, согласился. – Теперь, мистер Симпл, – продолжал он, – нам остается обсудить между собой кое-какие условия, о которых нам удобнее поговорить, пока нет миссис Троттер; она смутилась бы, услышав, что мы говорим о таких вещах. Разумеется,

образ жизни, который мы позволяем себе вести, очень расточителен. Миссис Троттер не может обойтись без своего чая и некоторых других небольших удобств; в то же время я не хочу, чтобы и у вас были лишние издержки – скорее соглашусь сам остаться без денег. Итак, я предлагаю вам, пока вы будете обедать с нами, платить только по одной гинее в неделю; что же касается задатка, то я не возьму с вас более двух гиней. Есть у вас деньги?

– Да, – сказал я, – у меня осталось три гиней с половиной.

– Ну, так дайте мне три гиней, а остальные полгиней вы можете оставить себе на карманные расходы. Напишите скорее вашим друзьям, чтобы они снабдили вас на дальнейшее время. Я вручил ему деньги, которые он положил в карман.

– Ваш сундук, – продолжал он, – прикажите принести сюда. Я уверен, что миссис Троттер, если я попрошу ее, не только будет держать его в порядке, но даже позаботится о починке вашего платья. Она очаровательная женщина – миссис Троттер – и очень любит молодых джентльменов. Сколько вам лет?

Я отвечал, что мне пятнадцать лет.

– Не более того! Ну, это меня радует: миссис Троттер как-то щепетильна насчет общества молодых людей известного возраста. Я советую вам ни под каким видом не связываться с прочими мичманами. Они сердиты на меня за то, что я не позволяю миссис Троттер обедать с ними. Это страшные сплетники.

– Это правда! – согласился я.

Но тут мы были прерваны приходом миссис Троттер с вертелом в руках, на котором было нанизано около дюжины тоненьких кусочков говядины и свинины. Разложив все это на блюде, она принялась накрывать на стол.

– Мистеру Симплу всего только пятнадцать лет, моя милая, – заметил мистер Троттер.

– Неужели! – воскликнула миссис Троттер. – А как он высок! Он так же высок для своего возраста, как молодой лорд Футритон, которого вы, бывало, сажали в свой кабриолет. Вы знаете лорда Футритона, мистер Симпл?

– Нет, мэм, – возразил я, но, желая показать, что состою в родстве со знатью, я прибавил: – Могу сказать, однако, что мой дедушка, лорд Привиледж, наверное, знает его.

– Боже мой! Неужели лорд Привиледж ваш дедушка? То-то мне так и казалось, будто я где-то видела подобное лицо. Вы помните лорда Привиледжа, мой милый Троттер, которого мы видели у леди Скампс? С вашей стороны очень неблагодарно не помнить его: он подарил вам однажды прекрасный кабаньей окорок.

– Помню ли Привиледжа? Черт возьми! О да! Старый джентльмен, не правда ли? – воскликнул мистер Троттер, обращаясь ко мне.

– Так, сэръ, – подтвердил я, очень довольный тем, что нахожусь среди людей, знакомых с моим семейством.

– Ну, мистер Симпл, – сказала миссис Троттер, – так как мы имеем удовольствие знать вашего родственника, то теперь я беру вас под свою опеку и буду так любить, что мистер Троттер заревнует, – прибавила она, усмехаясь. – Сегодня у нас жалкий обед. Маркитантка обманула мои надежды. Я просила принести баранью ножку, а она говорит, что их нет на рынке. Правда, для них еще не настало время, но Троттер очень разборчив в пище; пора, сядемте за стол.

Я чувствовал себя нездоровым и не мог ничего есть. Обед наш состоял из кусков говядины и свинины, картофеля и вареного пудинга, поданного на оловянном блюде. Мистер Троттер отправился наверх раздавать водку корабельному экипажу и возвратился с бутылкой рому.

– Принесли вы порцию мистера Симпла, мой милый? – спросила миссис Троттер.

– Да, его не забыли, ведь он прибыл на борт до одиннадцати часов. Пьете вы виски, мистер Симпл?

– Нет, благодарю вас, – отвечал я, вспомнив приказание капитана.

– Принимая в вас живое участие, – сказал мистер Троттер, – я должен серьезно посоветовать вам воздерживаться от водки. От этой дурной привычки, однажды приобретенной, нелегко избавиться. Я вынужден пить, чтобы не задохнуться, работая в трюме. Тем не менее я имею к ней врожденное отвращение; но шампанское и кларет вышли у меня на днях, и я вынужден покориться обстоятельствам.

– Бедный Троттер! – проговорила леди.

– Ну, – возразил он, – жалок тот человек, который никогда не веселится.

Он налил полстакана рому и долил остальное водой.

– Хотите отведать, моя милая?

– Вы знаете, Троттер, я никогда не прикасаюсь к рому, разве что если вода так дурна, что теряешь к ней вкус. Какова вода сегодня?

– По обыкновению, моя милая, такова, что невозможно пить.

После долгих просьб миссис Троттер согласилась наконец хлебнуть немного из его стакана. Мне показалось, что для непривыкшей к вину она уж слишком хорошо пьет.

Я чувствовал себя до того нездоровым, что вынужден был выйти на палубу. Здесь мне встретился мичман, которого я до того еще не видал. Он серьезно взглянул мне в лицо и спросил, как мое имя.

– Симпл? – вскричал он. – Вы не сын ли старика Симпла?

– Точно так, сэр, – отвечал я, удивленный, что столь многие люди на судне знакомы с моим семейством.

– Я так и думал, вы на него похожи. И как поживает ваш батюшка?

– Очень хорошо, покорно вас благодарю, сэр.

– Когда будете писать ему, кланяйтесь от меня и скажите, что я просил напомнить о себе.

Сказав это, он пошел прочь; но так как он забыл сказать мне свое имя, то я не мог исполнить его желания.

Я лег в постель весьма усталым. Мистер Трон ер повесил мою койку в кубрике, отделявшемся от конурки, в которой он спал со своей женой, только ширмами, обтянутыми полосатой хлопчатобумажной тканью. Мне показалось это очень неприличным, но мне сказали, что таков общий обычай на борту корабля, хотя это и оскорбляет деликатность миссис Троттер. Я был очень нездоров; миссис Троттер обходилась со мной крайне заботливо: на прощанье она поцеловала меня, и вскоре после того я крепко заснул.

Глава шестая

Самые обыкновенные слова сбивают меня с толку. – Миссис Троттер заботится о моем гардеробе. – Супружеский дуэт, заканчивающийся грохотом.

На рассвете следующего утра я был разбужен шумом, похожим на гром, раздававшимся над моей головой. Я узнал, что это происходило от чистки и мытья палубы. Мне было гораздо лучше, и я не чувствовал прежнего головокружения. Мистер Троттер, вставший еще в четыре часа утра, сошел вниз и приказал одному из матросов принести мне воды. Я умылся на своем сундуке и вышел на палубу, которую в то время вытирали. Стоя на часах у дверей каюты, я увидел одного из мичманов, с которыми находился вместе в гостинице «Голубые Столбы».

– Ну, мистер Симпл, старый Троттер и эта неряха, жена его, завладели вами? Правда ли это? – спросил он.

Я возразил, что вряд ли можно назвать миссис Троттер неряхой, по-моему, она очаровательная женщина. Он прыснул со смеху.

– Что, миссис Троттер уже показывала вам свои ноги?

– Да, – признался я, – и очень хорошенькие.

– А, так она все еще в своем старом репертуаре. Я должен вас предостеречь. Не доверяйтесь им, иначе они разорят вас совершенно. Вам бы лучше обедать с нами. Вы не первый простачок, мистер Симпл⁵, которого они обманули. Смотрите, – продолжал он уходя, – подальше прячьте ключ от вашего сундука – вот все, что я могу сказать вам.

Но так как мистер Троттер предупредил меня, что мичманы будут наговаривать на него и его жену, то я пропустил мимо ушей эти слова.

Расставшись с ним, я поднялся на палубу. Все моряки были заняты делом. Старший лейтенант кричал канониру:

– Если вы готовы, мистер Диспарт, то крепите пушки брюками.

– Ну, ребята, – скомандовал артиллерист, – берись за дельфинов и двигай их вперед. Цепляй брюки к лафетам и портам.

Так как я никогда не слышал, чтобы брюки удерживали пушку, и не мог представить себе, при чем здесь дельфины, мне было очень любопытно посмотреть, как они будут закреплять пушки, и я подошел к старшему лейтенанту⁶. Не дав мне раскрыть рта, он сказал:

– Ну-ка, молодой человек, подайте мне с дюжину глухарей и ершей.

Я подумал, раз он говорит «подайте», то эти птицы и рыбы должны быть где-то рядом с нами. Но их не было нигде, а рядом с нами были только ящики с гвоздями и шурупами. Схватив с испугу по пригоршне того и другого, я подал все это старшему лейтенанту. Оказалось, что это были как раз те вещи, в которых он нуждался⁷.

Взяв все это, он взглянул на меня и сказал:

– Так вы уже знаете, что такое глухарь и ерш? Не смейте же после этого никогда прикидываться глупым.

«Слава Богу, угадал и попал в умники, – подумал я. – Но если это глухари и ерши, то они уж слишком тверды».

И я решил как можно скорее заучить названия всех предметов, чтобы как следует подготовиться к исполнению своих обязанностей. С этим намерением я стал внимательно при-

⁵ Симпл – по-английски «простак».

⁶ Здесь: брюки – мощные тросы для крепления пушек к бортам. Одним концом брюк крепился к рыму (кольцу) на лафете пушки, а другим к рыму на боковой стороне пушечного порта – амбразуры в борту судна. Дельфины – парные дужки, расположенные над центром тяжести ствола и отлитые вместе с ним; обычно их делали в виде дельфинов.

⁷ Здесь: глухарь – шуруп большого размера с головкой под ключ, ерш – стальной гвоздь квадратного сечения с зазубринами по краям.

слушиваться ко всему, что говорили вокруг, но тут так меня озадачили всякими юферсами, легвантами, фишгаками, швертами, лиселями, трюмсеями, крьюсселями и регелями, что я хотел уже покинуть палубу. Но вдруг я услышал знакомые слова и снова стал прислушиваться.

– Как же я должен сделать это, сэр? – спросил боцмана один из матросов.

– Ха! Позвольте возвестить вам самым торжественным и деликатнейшим образом, что это делается с помощью двойной стены. И, черт возьми, неужели вы до сих пор не знаете этого? Старшина! Фок-мачтовых, – продолжал он, – взбирайтесь с этим недотепой на лошадей и подтяните стремяна еще на три дюйма.

– Слушаю, сэр!

Я смотрел во все стороны, но не мог заметить никаких лошадей и тем более стремян⁸.

– Мистер Чакс, – спросил старший лейтенант, – не осталось ли у вас внизу каких-нибудь незанятых блоков?

– У нас есть, сэр, один паук, другой мы намерены раскололи пополам. Да, в кладовой, кажется, есть еще сестра и пара канифас-блоков⁹. Эй, Смит, – крикнул он матросу, прохладившемуся на баке, – иди сюда. Хорошенько протри бычьи глаза, смажь мылом дорожку для верблюда да добавь к каждой пушке по два-три ангела. А потом можешь загорать на банке¹⁰.

Тут же он стал советоваться со старшим лейтенантом, не пригодится ли для чего-то (я не расслышал, для чего именно) мышка или голова турка, и сообщил, что гусиное крыло уже поставлено, а гусиную шейку оружейник сделает, как только привезут наковальню¹¹.

Но хотя теперь каждое слово мне было хорошо известно, общего смысла я все равно не понимал и совсем пришел в отчаяние.

– Да, вот еще, мистер Чакс, – сказал старший лейтенант, – не забудьте, пусть после обеда юнги обновят банки на четверках, а затем и ватерлинию. Потихоньку спустите их за борт в беседке.

– Будет исполнено, сэр, – ответил боцман. «Утопить решили мальчиков», – подумал я и вконец расстроенный покинул палубу и спустился в кубрик, где застал миссис Троттер.

– Ах, милый мой, – сказала она, – как я рада, что вы пришли! Я хочу привести в порядок ваше платье. Есть у вас его список? Где ваш ключ?

Я ответил, что списка не имею, и подал ключ, хотя и не забыл предостережения мичмана. Я полагал, что нет никакой беды в том, что она станет рассматривать платье в моем присутствии.

Она отперла сундук и начала, вынимая все вещи одну за другой, толковать об их пользе или негодности.

– Вот, – говорила она, – эти шерстяные чулки очень пригодны в холодную погоду; а эти темные бумажные носки будут восхитительно прохладны в летнее время. Что же касается этих тонких бумажных чулок, они никуда не годятся – разве стирать грязь с палуб, когда их моют; к тому же они совершенно неудобны. Удивляюсь, как хватило глупости прислать вам такую

⁸ Слова «лошадь» и «стремья» у моряков (на английском языке) соответственно означают «леер» и «подперток». Леер – вообще туго натянутая веревка (трос), в данном случае речь идет о леере на рее, к которому на подпертках (коротких тросах) подвешиваются перты – слабо натянутые тросы, на которых стоят матросы при работе с парусами.

⁹ Паук, сестра, канифас-блок – различные виды блоков; паук – деревянный брус с семью отверстиями, через которые протягивали линии (тонкие веревки или тросы), совместно образующие паутину; сестра – комельблок; канифас-блок – блок с прорезанной или откидной щекой для установки троса. Бак – надстройка в носовой оконечности судна; бычий глаз – водонепроницаемый иллюминатор в палубном настиле или на крышке люка; верблюд – железная накладка на конце румпеля, скользящая по деревянному сектору при повороте румпеля; ангелы – скрепленные железной штангой полуядра, применявшиеся при стрельбе для разрушения вант и мачт; банка – здесь: место между двумя смежными орудиями.

¹⁰ Здесь: банка – скамья для гребцов на шлюпке; четверка – четырехвесельная шлюпка; беседка – подвешенная на тросах деревянная доска для подъема людей на мачты и спуска за борт при покраске.

¹¹ Здесь: мышка – оплетенный узел на веревке для задержки при скольжении по ней; гусиное крыло – прямой парус, нижние углы которого подтянуты под середину рея; гусиная шейка – гусек, S-образное колено.

вещь; этого никто не носит на борту. Это годится только женщинам. Думаю, как они пойдут мне, чудо!

Она повернула стул ко мне спинкой и начала надевать чулок, улыбаясь все время при этом; потом снова повернулась ко мне, показывая, как хорошо он сидит на ее ноге.

– Хорошо, что Троттер в трюме, мистер Симпл, а то бы он заревновал. Знаете, что стоят эти чулки? Они вам бесполезны, но очень годятся мне; я поговорю с Троттером – мы купим их у вас.

Я отвечал, что и думать не хочу продавать их, а так как они бесполезны мне и годятся ей, то прошу ее принять от меня в подарок двенадцать пар. Сначала она категорически отказалась, но, поскольку я настаивал, то наконец согласилась. Я чувствовал себя счастливым, делая ей этот подарок, потому что она была очень ласкова со мной, и я считал ее очаровательной женщиной.

Обед наш состоял из бифштекса и лука, запах которого я терпеть не мог. Мистер Троттер возвратился рассерженный выговором, полученным от старшего лейтенанта. Он клялся, что оставит службу, что служит он из-за капитана, который говаривал, что скорей согласится расстаться с правой рукой, чем с ним, и что, получив отставку, потребует удовлетворения от старшего лейтенанта. Миссис Троттер делала все, что могла, чтоб успокоить мужа, напоминала ему, что он находится под покровительством такого-то лорда и такого-то сэра Томаад, которые восстановят справедливость, – все напрасно. Старший лейтенант выразился о нем, что он не стоит денег, которые получает, что от него нет никакой пользы. И только одна кровь, говорил мистер Троттер, может смыть эту обиду. Он пил грог стакан за стаканом и после каждого становился сердитее. Миссис Троттер пила также и, как я заметил, гораздо больше, чем нужна. Но она шепнула мне, что делает это только для того, чтоб меньше осталось Троттеру, иначе он непременно будет пьян. Это показалось мне очень великодушным с ее стороны. Впрочем, они сидели так долго, что я отправился спать и оставил Троттера все еще пьющим и грозющим мщением старшему лейтенанту.

Не проспал я и двух-трех часов, как был разбужен страшным шумом и спором. Оказалось, что мистер Троттер пьян и бьет свою жену. В негодовании, что смеют оскорблять такую очаровательную женщину, я поспешно вскочил с койки в намерении защитить ее; но темнота была страшная. Они, однако, не прекращали драку.

Я приказал матросу, стоявшему на часах у дверей кают-компании, принести фонарь и был очень удивлен его ответом, что я лучше сделаю, если пойду спать и оставлю их драться вволю.

Вскоре миссис Троттер, еще не раздевавшаяся, вышла из-за ширмы. Я заметил, что она едва стоит на ногах; шатаясь, подошла она к моему сундуку, села и начала громко рыдать. Поспешно одевшись, я стал утешать ее, но она не в состоянии была говорить внятно. Я тщетно старался успокоить ее. Не отвечая, она нетвердыми шагами приблизилась к моей койке и после долгих попыток смогла, наконец, влезть на нее. Не могу сказать, чтоб это мне понравилось, но что было делать? Я окончательно оделся и вышел на палубу.

Мичман, бывший в это время на вахте, был тот самый, который предупреждал меня относительно Троттеров; он обращался со мной очень дружески.

– Ну, Симпл, – спросил он, – что привело вас на палубу?

Я рассказал ему, как дурно обращается мистер Троттер со своей женой и что она заняла мою койку.

– Проклятая пьяная старая ведьма! – вскричал он. – Постойте, я пойду стащу ее за косу.

Я просил не делать этого, говоря, что она дама.

– Дама, – возразил он, – много таких дам!

И он рассказал мне, что несколько лет тому назад она была на содержании у одного богатого человека, который держал для нее экипаж; что, когда она ему наскучила, он дал Троттеру

двести фунтов стерлингов с условием жениться на ней, и что теперь оба они ничего не делают, а только пьют и дерутся.

– Надеюсь, – прибавил он, – она еще не успела выманить у вас чего-нибудь из платья?

Я отвечал, что подарил ей двенадцать пар чулок и заплатил мистеру Троттеру три гинеи за стол. – Это надобно принять к сведению, – заметил он, – утром я поговорю об этом со старшим лейтенантом. Покуда надобно возвратить вам койку. Квартирмейстер, покарауль немного.

Он отправился вниз, а я последовал за ним, чтоб посмотреть, что он станет делать.

Подойдя к моей койке, он опустил один ее конец, так что миссис Троттер очутилась головой на полу в весьма неудобной позе. К удивлению моему, она разразилась страшными ругательствами и не хотела оставить койку. Мичман принялся бить и тормошить ее, как вдруг мистер Троттер, разбуженный шумом, бросился из-за ширм.

– Негодяй! Что делаешь ты с моей женой! – закричал он, колотя его изо всех сил, несмотря на то, что едва мог держаться на ногах.

Считая мичмана способным постоять за себя, я не хотел вмешиваться и остался посторонним наблюдателем. Возле меня над люком дока стоял часовой с фонарем, освещая мичмана и созерцая бой. Мистер Троттер в минуту был сбит с ног, но миссис Троттер, соскочив с койки, в свою очередь схватила мичмана за волосы и начала его бить. Видя это, часовой счел нужным вступиться. Он позвал фехтмейстера, а сам спустился вниз на помощь мичману, которому приходилось плохо в схватке с двумя. Но миссис Троттер вырвала у него фонарь и разбила вдребезги; мы остались в темноте, и я не мог видеть, что происходило далее, хотя бой все еще продолжался. Таково было положение дел, когда фехтмейстер пришел с огнем. Мичман и часовой отправились наверх, а мистер и миссис Троттер продолжали драться. Но на это никто уже не обращал внимания; все говорили, как сказал прежде дежурный: «Пусть дерутся вволю».

Подравшись еще немного, они возвратились за ширмы, а я, следуя совету мичмана, отправился в свою койку, которую фехтмейстер снова повесил для меня. Я слышал, как мистер и миссис Троттер в одно время бранились и целовались.

– Жестокий, жестокий мистер Троттер! – говорила она, всхлипывая.

– Но, душа моя, – возражал он, – я так ревнив!

– Черт поberi твою ревность! – отвечала она. – Завтра утром у меня будут два прекрасных синяка под глазами.

Поцелуи и перебранка продолжались еще около часа, наконец они заснули.

На следующее утро, еще до завтрака, мичман донес старшему лейтенанту о поведении мистера Троттера и его жены. Послали за мной, и я вынужден был подтвердить справедливость донесения мичмана. Он послал за мистером Троттером, который ответил, что нездоров и не может выйти на палубу. В ответ на это старший лейтенант приказал сержанту морской пехоты привести его немедленно. Мистер Троттер явился с перевязанным глазом и лицом, исцарапанным до крайности.

– Не просил ли я вас, сэр, – сказал старший лейтенант, – поместить этого молодого человека в мичманскую каюту? Вместо этого вы отвели его к вашей нечестной жене и выманили у него часть его имущества. Я приказываю вам тотчас возвратить три гинеи, которые вы получили с него за стол, а вашей жене отдать назад чулки, которые она у него выманила.

Но здесь я вмешался и объяснил старшему лейтенанту, что чулки были добровольным подарком с моей стороны, и что хотя я в этом случае и поступил весьма глупо, но думаю, что не могу по чести требовать их назад.

– Ну, вы, может быть, и правы, молодой человек, – ответил старший лейтенант, – и если вы того хотите, то я не стану настаивать на этом пункте моего приказания. Я требую, сэр, – обратился он к Троттеру, – чтоб ваша жена оставила корабль немедленно, и надеюсь, что когда

донесу о вашем поступке капитану, то он поступит с вами таким же образом. А покуда считайте себя под арестом за пьянство.

Глава седьмая

Великий скандал. – Я доказываю капитану, что считаю его джентльменом, хотя прежде и говорил противное; в то же время доказываю мичманам, что и я тоже джентльмен. – Мичманы доказывают свою благодарность, тренируя меня, потому что дело мастера боится.

Капитан прибыл на борт около одиннадцати часов утра, и когда старший лейтенант донес ему о том, что случилось, он тотчас же отдал приказ об отставке мистера Троттера. Вслед за тем он приказал всем мичманам собраться на квартердеке.

– Джентльмены, – сказал он им со строгим видом, – я чувствую себя обязанным некоторым из вас за мнение, которое вам угодно было внушить о моем характере мистеру Симплу. Я требую, чтобы вы ответили мне на несколько вопросов, которые я намерен предложить вам в его присутствии. Сек ли я когда-нибудь вахту штирборга за то, что корабль делал не более девяти узлов на булине?

– Нет, сэр, нет! – отвечали они с перепуганным видом.

– Задавал ли я какому-нибудь мичману четыре дюжины палок за то, что он не подал своего еженедельного отчета, или пять дюжин другому за то, что он на дежурстве был в красной ленте?

– Нет, сэр, – отвечали они.

– Умирал ли какой-нибудь мичман от усталости на своем сундуке?

Тот же отрицательный ответ.

– Ну, джентльмены, теперь сделайте одолжение, отвечайте, кто из вас счел за нужное утверждать эту ложь в публичной кофейне, а также кто из вас принудил этого молодого человека рисковать жизнью на дуэли?

Всеобщее молчание.

– Вы мне ответите, джентльмены?

– О дуэли, сэр, – подал голос мичман, сражавшийся со мной, – я слышал, что пистолеты были заряжены одним порохом; это была шутка.

– Хорошо, сэр, положим, что дуэль была затеяна в шутку, я надеюсь и верю, что вы говорите правду; но репутация вашего капитана – тоже шутка, позвольте спросить? Я желаю знать, кто из вас осмелился распространять такую оскорбительную клевету?

Мертвое молчание последовало за этим вопросом.

– Хорошо, джентльмены, вы не хотите признаться, так я воспользуюсь властью. Мистер Симпл, будьте так добры, укажите мне лицо или лиц, которые рассказали вам все это.

Но я подумал, что исполнить это требование было бы дурно с моей стороны, и так как они очень ласково обращались со мной после дуэли, то я решил не говорить.

– С вашего позволения, сэр, – ответил я, – мне кажется, я сообщил вам все это под секретом.

– Под секретом, сэр? – возразил капитан. – Где это слыхано, чтоб существовали секреты между капитаном первого ранга и мичманом?

– Сэр, – заметил я, – не между капитаном первого ранга и мичманом, а между двумя джентльменами.

Старший лейтенант, стоявший около капитана, закрыл лицо рукой, чтобы скрыть улыбку.

– Он, может быть, и дурак, сэр, – шепнул он капитану, – но могу вас уверить, что он дурак чистосердечный.

Капитан закусил губу и, обращаясь к мичманам, сказал:

– Джентльмены! Вы должны благодарить мистера Симпла за то, что я прекращаю дальнейшее расследование; я верю, что вы не серьезно клеветали на меня; но помните: что говорится в шутку, то часто принимается всерьез. Надеюсь, что поведение мистера Симпла окажет

на вас свое действие, и вы перестанете отыгрываться на нем, он избавил вас от весьма строгого наказания.

Сойдя вниз, мичманы пожали мне руку, говоря, что я добрый парень и не ябедник. Что же касается совета капитана, чтоб они, как он выразился, не играли на мне, это было забыто: они тут же начали снова и не переставали, пока не увидели, что меня уже нельзя обмануть.

Я не пробыл и десяти минут в мичманской каюте, как они уже приступили к своим розыгрышам. Один из них заметил, что я, кажется, очень силен и, вероятно, могу выдержать весьма долгий сон.

– Скажу, не хвастаясь, – ответил я, – что способен на это, в интересах службы.

Это рассмешило их, и я подумал, что отвечал умно.

– Вот Томкинс, – заявил мичман, – покажет вам, как исполнять эту часть ваших обязанностей. Он наследовал эти способности от отца, служившего морским офицером. Он в состоянии храпеть четырнадцать часов кряду, ни разу не повернувшись на другой бок, да еще и днем не откажется продолжить свой сон на сундуке.

Томкинс защищался, утверждая, что некоторые обделывают свои дела проворно, а другие очень медленно, что он не из числа шустрых и что в сущности долгий сон освежает его не более, чем другого короткий, потому что он спит медленнее других.

Это остроумное доказательство было немедленно опровергнуто замечанием, что он съедает свой пудинг скорее всех прочих.

В это время почтальон, прибывший на борт с письмами, просунул голову в мичманскую каюту. У меня дух занялся от желания получить письмо из дому, но я обманулся в своих ожиданиях. Некоторые из мичманов получили письма, другие – нет. Те, которые не получили, называли своих родителей несознательными и объявили, что готовы сбыть их за шиллинг; те, которые получили, продавали свои письма после прочтения другим, обыкновенно за полцены. Мне казалась странной такая продажа, но среди них это было делом привычным. Одно письмо, преисполненное добрых советов, было продано три раза; это заставило меня составить лучшее мнение о нравственности моих товарищей. Самыми дешевыми письмами были письма от сестер. Мне предлагали такое письмо за один пенни, но я отказался, так как имел в достатке собственных сестер. Едва я это сообщил, как тотчас же меня осыпали вопросами об их именах и возрасте, хорошенькие ли они или нет и так далее. Я удовлетворил их любопытство; поднялся спор, кому они должны принадлежать. Один хотел Люси, другой брал Мэри; но самый жаркий спор завязался за Эллен, о которой я сказал, что она лучше всех. Наконец, они согласились продать ее на аукционе, и она досталась одному подшкиперу, по имени О'Брайен, который предложил за нее семнадцать шиллингов и бутылку рома. Меня просили засвидетельствовать их любовь к моим сестрам и потом объявить им их ответ. Такая просьба показалась мне очень странной; но цена, предложенная за Эллен, должна была льстить мне, потому что впоследствии я нередко был свидетелем, как очень хорошеньких сестриц продавали за стакан грогу.

В разговоре я упомянул о причине, почему с таким нетерпением ожидал письма: мне не доставало денег на покупку кинжала и загнутой набок фуражки. На это мичманы отвечали, что мне ни к чему тратить собственные деньги, так как по уставу службы интендант обязан снабжать ими офицеров, которые того потребуют. Зная, где находилась комната интенданта – я видел ее, когда был еще в кубрике с Троттерами, – я тотчас же отправился туда.

– Господин интендант, – сказал я, – прикажите выдать мне сию минуту загнутую на бок фуражку и кинжал.

– Слушаю, сэр, – ответил он и написал что-то на клочке бумаги, который подал мне. Вот приказ, сэр; но загнутые набок фуражки хранятся в сундуке на грот-стенге; что же касается кинжала, то вы должны обратиться к мяснику; они хранятся у него.

Я отправился наверх с приказом, решив сначала вытребовать кинжал. С этой целью я стал отыскивать мясника и нашел его в овчарне, где он сидел в кругу овец, занятый починкой своих брюк.

В ответ на мое требование он сказал, что у него нет ключа от кладовой, потому что он находится в ведении одного из матросов.

На вопрос, как его зовут, он отвечал:

– Матрос Чикс¹².

Я ходил взад и вперед по кораблю, отыскивая матроса Чикса, но никак не мог найти его. Одни говорили, что он на фок-мачте приставлен караулить ветер, чтобы не изменился; другие, что он на камбузе присматривает за тем, чтобы мичманы не обмакивали свои сухари в капитанскую кастрюлю. Наконец, я спросил о нем у женщин, стоявших на большой палубе между пушками, и одна из них ответила, что искать его между ними дело лишнее, так как все они имеют мужей, а Чикс – вдовый муж¹³.

Так и не найдя этого матроса, я решил тогда похлопотать о загнутой набок фуражке и потом уже добыть себе кинжал. Мне не очень-то нравилась перспектива лазания по снастям: я боялся головокружения, зная, что если упаду за борт, то не сумею выплыть. Но один из мичманов вызвался меня провожать, уверяя, что, если я упаду за борт, мне нечего бояться утонуть, потому что если у меня закружится голова, то она непременно поплывет. Это заставило меня решиться. Я долез почти до самой грот-стенги, иногда, впрочем, обрываясь с какого-нибудь тонкого каната и обдирая кожу на коленях. Я дошел до того места, где протягиваются с мачт толстые канаты, так что приходится лезть с запрокинутой назад головой. Мичман сказал мне, что эти канаты называются кошачьими баграми, потому что лазить по ним так трудно, что даже кошки протестуют, когда им приказывают это. Я не решился, и он предложил мне пролезть через отверстие лентяев, по словам его, нарочно устроенное для подобных мне. Так как это казалось гораздо легче, то я согласился и взобрался наконец на грот-стенгу, запыхавшийся и счастливый окончанием путешествия.

Здесь находился капитан грот-стенги с двумя другими моряками. Мичман представил меня по всей форме:

– Мистер Дженкинс – мистер Симпл, мичман. Мистер Симпл – мистер Дженкинс, капитан грот-стенги. Мистер Дженкинс, мистер Симпл пришел к вам с приказом о выдаче ему загнутой набок фуражки.

Капитан грот-стенги отвечал, что очень жалеет, но у него нет их в кладовке, так как он выдал капитанской обезьяне последнюю. Это было очень досадно. Затем капитан грот-стенги спросил, есть ли у меня след.

Я признался, что нет, потому что, подымаясь наверх, раза два или три терял его. Он засмеялся и ответил, что прежде, нежели сойти вниз, я неизбежно должен снова его потерять, а потому он просит вручить его скорее.

– Вручить ему мой след! – вскричал я, сбитый с толку, и, обращаясь к мичману, спросил:

– Что он хочет этим сказать?

– Он хочет сказать, что вы должны выдать ему монетку в семь шиллингов.

Это было так же непонятно, как и то, что я уже слышал; я выпучил глаза. Мистер Дженкинс приказал бывшим при нем людям принести полдюжины лисиц – пеньковых тонких веревок и сделать из меня орла с распростертыми крыльями, если я не исполню его требования. Я никогда не догадался бы, чего он хочет, если бы мичман, смеявшийся до упаду, наконец не объяснил мне, что, по существующему обычаю, всякий, в первый раз вошедший на марс,

¹² Матрос Чикс – у военных моряков мнимая личность (как у пехотинцев мистер Нободи – господин Никто, или как подпоручик Кижэ), которую используют, в основном, для розыгрыша.

¹³ Вдовьями мужьями называются в Англии мнимые моряки, записанные в корабельные книги и получающие жалованье и следующую каждому матросу часть приза, идущие в пользу Гринвичского госпиталя.

должен дать что-нибудь на выпивку этим людям и что, если я не сделаю этого, они привяжут меня к снастям.

Не имея денег в кармане, я обещал заплатить тотчас же, как сойду вниз; но мистер Дженкинс не хотел верить мне. Я рассердился и спросил, неужели он сомневается в моем честном слове.

– Нет, – сказал он, – но я хочу иметь семь шиллингов прежде, нежели вы сойдете вниз.

– Как, сэр! – вскричал я. – Знаете ли, с кем вы говорите? Я – офицер и джентльмен. Знаете ли вы, кто мой дедушка?

– Знаю, очень хорошо, – возразил он.

– Так кто же он, сэр? – спросил я рассерженный.

– Кто он! Ха! Он – Невесть кто.

– Не правда, – возразил я, – его не так зовут, он лорд Привиледж.

Я, однако ж, был очень удивлен тем, что он знает, что мой дедушка – аристократ.

– Так неужели вы думаете, – продолжал я, – что я соглашусь запятнать честь своего рода из-за жалких семи шиллингов?

Это замечание и ходатайство мичмана, взявшего меня на поруки, смягчили мистера Дженкинса, и он позволил мне спуститься вниз. Я отправился к своему сундуку и заплатил семь шиллингов провожавшему меня караульному марс-стеньги. Потом я отправился на главную палубу с намерением поучиться своему ремеслу. Я предлагал кучу вопросов касательно пушек своим мичманам, которые, окружив меня, удовлетворяли мое любопытство. Один говорил, что они называются зубами фрегата, потому что вырывают куски из французских кораблей. Другой уверял, что он так часто бывал в деле, что его прозвали огнеедом. Я спросил, каким же образом он остался в живых. Он отвечал, что держится правила: как только ядро ударит в бок корабля, тотчас же просовывать голову в отверстие, которое оно сделает, потому что, по исчислению профессора Трактирного, вероятность второго попадания ядра в то же место составляет единицу, деленную на 32647 с несколькими десятками в придачу, так что другое ядро никак уже не войдет в это отверстие. Это была новость, которая мне никогда и в голову не пришла бы.

Глава восьмая

Мои товарищи показывают мне, как глупо влезать в долги. – Вежливость при исполнении обязанности. Я знакомлюсь с джентльменами, членами департамента домоседов. – Эпизод с Шолто Макфоем.

Теперь, когда я прожил на борту около месяца, я нахожу, что жизнь моя вовсе не ужасна. Меня уже не мучит запах смолы и дегтя, и я могу влезть в койку, не сваливаясь с нее в противоположную сторону. Мои товарищи доброго характера, хотя и очень насмешливы; но, сказать правду, они не высокого понятия о чести. Кажется, они считают всякого рода обман приятнейшей шуткой и думают, что если они смеются в то время, когда обманывают нас, то это уже не обман. Что до меня, я не могу смотреть на обман иначе, как на обман, и, по-моему, человек, который вас обманывает, ни на волос не становится честнее от того, что в придачу еще смеется над вами.

Несколько дней спустя, после того как я прибыл на борт, я спросил у так называемой маркитантки несколько пирожков; я намерен был заплатить за них, но маркитантка не могла дать мне сдачи и была так учтива, что решила поверить мне. Она вынула маленькую книжку и объявила, что намерена записать за мной счет, по которому я заплачу, когда мне вздумается. Против этого мне нечего было возразить, и я посылая к ней за разными разностями, пока не рассудил, что счет мой, вероятно, вырос до одиннадцати или двенадцати шиллингов. Помня данное обещание отцу не делать долгов, я решил расплатиться. Я спросил счет, и каково было мое удивление, когда я узнал, что за мной записано два фунта, четырнадцать шиллингов, шесть пенсов. Я объявил, что это дело невозможное, и попросил позволения заглянуть в счет, где нашел, что на меня ежедневно записывались по три – четыре дюжины пирожков, заказанных молодыми джентльменами «с занесением в книгу на счет мистера Симпла». Я был раздосадован не только тем, что принужден был заплатить такую сумму, но и недостатком чувства чести у моих товарищей. Когда я пожаловался на это в отделении, они стали смеяться надо мной. Наконец, один из них сказал:

– Питер, скажи правду, запрещал тебе отец делать долги?

– Конечно, – ответил я.

– Я так и знал, – объявил он, – все отцы поступают так, расставаясь с сыновьями; это дело обыкновенное. Теперь слушай, Питер: ты не можешь быть в претензии на то, что твои товарищи ели пироги за твой счет. Ты послушался приказаний отца, хотя не прошло еще и месяца с тех пор, как ты оставил родительский дом; товарищи сочли себя обязанными заказывать себе пироги за твой счет с целью дать тебе урок, который принесет тебе пользу в жизни. Надеюсь, это окажет на тебя свое действие. Ступай к маркитантке, заплати по счету и никогда не заводи другого.

– Уж, конечно, этого не повторится со мной, – ответил я.

Будучи не в состоянии открыть, кто заказывал пирожки за мой счет, и не желая, чтобы маркитантка лишилась своих денег, я отправился наверх и заплатил ей долг с намерением впредь никогда и ни с кем не заводить счетов.

Но это вконец опустошило мой карман, и я написал отцу письмо, в котором поведал ему об этом происшествии и о состоянии моих финансов. Отец писал в своем ответе, что каковы бы ни были побуждения, на основании которых действовали мои товарищи, но они поступили со мной по-дружески, и что так как я лишился денег по собственной беспечности, то отнюдь не должен ожидать, чтоб он прислал мне еще. Но матушка, прибавившая к его письму строку, вложила в него банковский билет в пять фунтов стерлингов, я думаю, с позволения отца, хотя он и делал вид, будто очень сердит на то, что я забыл его наставления. Это вспомоществование

оказалось очень кстати и снова поправило мои дела. Что за удовольствие получить письмо от далекого друга и в особенности, когда это письмо с деньгами!

За несколько дней перед тем мистер Фокон, старший лейтенант, приказал мне прицепить саблю и отправиться с поручением на берег; я возразил, что не имею ни кинжала, ни загнутой набок фуражки, хотя я требовал у интенданта эти вещи. Узнав о моем приключении, он много смеялся и отправил меня в сопровождении шкипера на берег за покупкой этих вещей, и послал счет моему отцу, который заплатил деньги, и отвечал письмом, в котором благодарил за заботу. В это утро старший лейтенант сказал мне:

– Ну, мистер Симпл, сегодня мы поубавим глянца с ваших загнутой набок фуражки и кинжала. Вы отправитесь на боте с мистером О'Брайеном и позаботитесь, чтобы никто из матросов не ушел и не напился.

В первый раз меня командировали на берег как офицера, и я очень гордился этим, а потому был на сходнях за четверть часа до того времени, когда свисток подал знак матросам к отправлению. Мы были отправлены в адмиралтейство за корабельной амуницией. Прибыв туда, я был поражен при виде такого страшного количества строевого леса, складов и огромных якорей, лежащих на верфи. Здесь было так шумно, каждый казался до того занятым, что я не знал, куда деться.

У того места, где пристал бот, вытаскивали огромный фрегат из так называемой пристани. Я так заинтересовался этим зрелищем, что, к сожалению своему, должен признаться, совершенно забыл об экипаже бота и о данном мне приказании присматривать за ним. Более всего удивило меня то, что работавшие здесь люди были, по-видимому, моряки, но их выражения очень отличались от тех, которые я привык слышать на борту нашего фрегата. Вместо ругательств и проклятий всякий вел себя вежливо.

- Пожалуйста, мистер Джонс, натяните кормовую перлинь штирборта.
- Мистер Дженкинс, ослабьте бакбортную перлинь, сделайте одолжение.
- Набок, джентльмены, накрените корабль набок.
- Поклон от меня мистеру Томпкинзу и попросите его прислать счетную книгу.
- Набок, джентльмены, накрените корабль набок, сделайте одолжение.
- Гей вы, там на боте, причаливайте к мистеру Симмонсу и просите его оказать мне услугу пристопорить бот, чтоб он не колыхался. Что вам угодно, мистер Джонсон?
- Один из мичманов выбросил что-то из кормового порта и попал в глаз нашему офицеру.
- Донесите об этом управляющему, мистер Уиггинз, и сверните буксирный канат, пожалуйста. Кланяйтесь мистеру Симкинзу и скажите, чтоб он собрал канат на плотине. Накрените корабль, джентльмены, сделайте одолжение.

Я спросил одного из зрителей, что это за народ; он отвечал, что это адмиралтейские плотники. Я не мог удержаться от мысли, что сказать «сделайте одолжение» так же легко, как сказать «черт вас побери», и, однако, первое гораздо приятнее звучит для слуха.

Пока я смотрел, как тянули фрегат, двое матросов с нашего бота ускользнули, и, воротясь, я никак не мог найти их. Это очень испугало меня, потому что я чувствовал, что не исполнил своего долга, и притом в первый раз, как мне вверили должность. Я не знал, что делать: бегал взад и вперед по адмиралтейству, спрашивал каждого встречного, не видали ли моих людей, так что наконец запыхался от усталости. Многие отвечали, что они видели много людей, но не знают наверное, мои ли они. Другие смеялись и называли меня молокососом. Один мичман сказал мне, что он видел двух людей, соответствующих моему описанию, наверху кареты, отправлявшейся в Лондон, и что я должен торопиться, если хочу нагнать их; но он отказался отвечать на мои дальнейшие вопросы. Я продолжал бегать по адмиралтейству, пока не встретил, наконец, двадцать или тридцать человек в серых куртках и панталонах, к которым обратился с вопросами; они отвечали, что видели двух моряков, спрятавшихся за строевым лесом. Они окружили меня, изъявляя ревностное желание помочь мне; но их тут же заставили тянуть

канат. Я заметил, что все они носили номера на куртках и светлые железные цепи на ногах. Несмотря на свою торопливость, я не мог удержаться, чтобы не спросить, для чего они носят эти цепи. Один из них отвечал, что это награда, данная им за хорошее поведение.

Я шел в отчаянии; вдруг, к великой радости своей, повернув за угол, наткнулся на своих людей, которые, приложив палец к шляпе, объявили, что искали меня. Я не поверил их словам; но, будучи вне себя от радости, что нашел их наконец, я и не думал выговаривать им, а отправился к боту, который ждал нас уже некоторое время. О'Брайен, подшкипер, назвал меня молодым ротозеем (слово, которое до того времени я не слыхивал). По возвращении на борт старший лейтенант спросил О'Брайена, почему он так опоздал. Он отвечал, что двое наших людей ушли с бота, но что я нашел их. Старший лейтенант остался очень доволен мною и заметил, как он и прежде говорил, что я не дурак. Я отправился вниз, радуясь своему счастью и с чувством благодарности к О'Брайену за то, что он не сказал всей правды. Отцепив кинжал и сняв треуголку, я полез было за платком, не нашел его в кармане; по всей вероятности, его украли люди в серых куртках, которые, как я узнал из разговора со своими товарищами, были просто преступники, приговоренные к тяжким работам за воровство и отрезание карманов.

Дня через два или три после того у нас появился новый товарищ, по имени Макфой. Я был на квартердеке, когда он прибыл на борт и представил капитану письмо, осведомившись сначала, не он ли капитан Савидж. Это был цветущий молодой человек, почти шести футов росту, с рыжими волосами, но очень красивый. Так как его служебная карьера была очень коротка, то я расскажу за раз все, что узнал о нем впоследствии. Капитан согласился принять его на службу, чтоб выручить сослуживца, жившего в отставке в Хайланде, Шотландии. Первое известие о скором прибытии мистера Макфоя капитан получил из письма, написанного к нему дядей молодого человека. Это письмо показалось ему до того забавным, что он передал его старшему лейтенанту. Вот его содержание.

«Глазго. Апреля 25. Сэр,

Ваш многоуважаемый и взаимный друг, капитан Макалпин, сообщил мне в письме от 14-го числа сего месяца Ваши благосклонные намерения касательно моего племянника Шолто Макфоя (за что позвольте принести вам мою искреннюю благодарность), и я спешу известить Вас, что он находится теперь на пути к Вашему кораблю «Диомеду» и с Божией помощью прибудет через двадцать шесть часов по получении Вами этого письма.

Лица, знакомые несколько с королевской службой, дали мне понять, что офицерское обзаведение требует некоторых расходов, а потому я счел необходимым успокоить Вас на этот счет и прилагаю при сем половину английского банковского билета в 10 фунтов стерлингов за № 3742; другая половина будет должным порядком прислана в виде векселя, который обещали мне доставить завтра. Прошу вас сделать ему все необходимые покупки и составить, если нужно, счет его харчам и прочим расходам, которые Вы сочтете разумными и извинительными.

Необходимо также известить Вас, что Шолто, в минуту своего отъезда из Глазго, имел 10 шиллингов в кармане. Не сомневаюсь, что Вы потребуете от него полного отчета в их употреблении, так как это слишком большая сумма для мальчика 14 лет и 5 месяцев. Я упоминаю о возрасте Шолто, потому что он так высок, что Вы могли бы обмануться внешностью и положиться на его благоразумие в деле такой важности. Если ему понадобится когда-либо вспомоществование сверх жалованья, которое, как я слышал, очень порядочно на службе нашего короля, то прошу Вас обратить внимание на то, что всякий вексель Вашей руки, не превышающий

5 фунтов английских стерлингов, будет в течение десяти дней полностью выплачен фирмой Монтита, Маккиллота и К° в Глазго.

*Сэр, со всей благодарностью за Вашу доброту и благосклонность пребываю Ваш покорнейший слуга
Уолтер Монтит».*

Письмо это, доставленное на борт самим Макфоем, удостоверяло его личность. Пока капитан читал его, Макфой оглядывал все окружающее с видом свирепого кабана. Капитан поздравил его с приездом, предложил ему один или два вопроса, представил старшему лейтенанту и отправился на берег. Старший лейтенант пригласил меня обедать в констапельской; я заключил из этого, что он все еще доволен мной за то, что я нашел наших людей. Когда капитан отправился на берег, он пригласил также Макфоя, и между ними завязался следующий разговор.

– Ну, мистер Макфой, вы совершили дальнейшее путешествие; я думаю, оно первое в вашей жизни?

– Правда, сэр, – отвечал Макфой, – и, к несчастью, мне страшно надоедали в продолжение путешествия. Чтобы обращать внимание на все, что вам шепчут, для этого нужно быть набитым деньгами. Шесть пенсов здесь, шесть пенсов там, повсюду шесть пенсов! Подобное лихоимство мне во сне не снилось.

– Как вы приехали из Глазго?

– В боте на колесах, или на пароходе, как его называют там, в Лондоне, где с меня взяли шесть пенсов за то, что перенесли на берег мои пожитки – маленький чемоданчик, не больше, чем вот эта шляпа. Я с удовольствием перенес бы сам, да они не дали.

– Где вы остановились в Лондоне?

– Я остановился на улице Чичестер-Ренс, в доме торговцев Сторма и Мейнвеаринга, и с меня содрали еще шесть пенсов за то, что показали дорогу. Я просидел полчаса в конторе, пока меня не привели в какое-то место, называемое Булл и Маут, и не посадили в карету, заплатив за весь проезд. Тем не менее в продолжение всей дороги мне только и жужжали в уши, что деньги да деньги. Сначала сторож и кучер, потом другой сторож и другой кучер; я слышать ничего не хотел, так они начали ворчать и оскорблять меня.

– Когда же вы прибыли сюда?

– Прошедшей ночью. Я только переночевал и позавтракал в гостинице «Голубые Столбы», и что ж? С меня потребовали за это не менее, как три шиллинга и шесть пенсов, клянусь вам. Мало того, пришли какая-то подлая горничная и мерзавец слуга, просят не забыть их; но я отвечал им, как отвечал сторожу и кучеру, что у меня нет для них денег.

– Сколько же у вас осталось от десяти шиллингов?

– Гм! Сэр лейтенант, откуда вы это знаете? А, да! Это благодаря моему дяде Монтиту в Глазго. Ну так клянусь вам, у меня осталось не более трех шиллингов и одного пенса. Но здесь такой запах, что я едва выношу его, выйду-ка на чистый воздух.

Всеобщий смех раздался после ухода Макфоя из констапельской. Побыв какое-то время на палубе, он сошел вниз, в мичманскую каюту, но тут он вел себя очень нелюбезно, заводил спор на каждом шагу и ссорился со всеми. Это, однако, недолго продолжалось. Он ничего не хотел слушать. На третий день своей службы он оставил корабль без позволения старшего лейтенанта. В следующий день, когда он возвратился на борт, старший лейтенант посадил его под арест и поставил часового у дверей каюты. После обеда мне случилось быть под шканцами. Я увидел там Макфоя: он точил о лафет пушки длинный складной нож. Подойдя к нему, я спросил, зачем он это делает. Глаза его сверкнули огнем, и он ответил, что намерен отомстить за оскорбление, нанесенное крови Макфоя. Взор его доказывал, что он говорит серьезно.

– Но что же вы хотите делать? – спросил я.

– Я хочу, – сказал он, проводя лезвием по руке и щупая острие своего оружия, – отомстить за свою честь и непременно наказать человека, осмелившегося поставить меня сюда. С оскорбленной честью нельзя жить.

Это меня перепугало. Я счел своей обязанностью донести о его злодейских намерениях из страха, чтобы не случилось чего хуже. С этой целью я отправился на палубу и открыл старшему лейтенанту замыслы Макфоя, подвергающие жизнь его опасности. Мистер Фокон улыбался. Макфой вскоре появился на главной палубе. Его глаза засверкали, и он отправился прямо к тому месту, где стоял старший лейтенант; но часовой, предупрежденный мной, остановил его, наставив штык. Старший лейтенант обернулся и, увидев, что происходило, приказал часовому посмотреть, есть ли в руках у Макфоя нож. Макфой держал открытый нож в руке за спиной. Его обезоружили, и мистер Фокон, убедившись, что он замышляет недоброе, донес о поведении его капитану, когда тот возвратился на борт. Капитан послал за Макфоем, который выказал при этом все свое упрямство. Он не хотел ни оправдываться, ни обещать, что не станет впредь покушаться на подобный поступок. Его тотчас же отослали на берег, и он отправился к своим друзьям в Хайланд.

Мы больше никогда не видали его, но я слышал, что он получил должность в армии и три месяца спустя по вступлении в полк убит на дуэли, пытаясь отомстить за какое-то мнимое оскорбление, нанесенное крови Макфоев.

Глава девятая

Набор матросов. Женщина обращает нас в бегство. – Фехтование вертелом. – Меня щиплют, как курицу. – Джин на двенадцать персон. – Я взят в плен; побег и прибытие на корабль.

Теперь я должен рассказать, что случилось со мной за несколько дней до отплытия корабля. Это послужит доказательством тому, что у поступившего на службу его королевского величества нет необходимости искать встречи с ветрами и волнами или неприятельским обстрелом, чтобы подвергнуться опасности. Напротив, и побывав в штормах и сражениях, я без колебаний заявляю, что никогда не чувствовал такого страха, какой испытал в случае, о котором сейчас расскажу.

Мы были готовы к отплытию, и адмиралтейство с нетерпением ждало нашего отправления в море. Капитан получил позволение от адмирала порта откомандировать партии на берег для вербовки матросов. Второй, третий лейтенанты и старшие из мичманов отбывали каждую ночь на берег с несколькими надежнейшими людьми и обыкновенно привозили утром на борт до полудюжины человек, захваченных в разных питейных заведениях или магазинах грога, как матросы их называют. Некоторых из них оставляли на корабле, но большую часть, как негодных к службе, отпускали на берег. По существующему обычаю, всякий поступающий или завербованный на службу попадает в кубрик к хирургу, где его раздевают с ног до головы и осматривают, здоров ли он и годен ли к службе его королевского величества; и если нет, его отсылают назад. Сколько я мог судить по рассказам, набор был очень серьезным делом, потому что матросы, которых посылали вербовать, часто несли тяжелый урон. В самом деле, матросы наши сражаются против покушений на свою свободу так же отчаянно, как впоследствии – когда вступят на борт – за честь родины. Я страстно желал принять участие в подобной партии и попросил О'Брайена взять меня с собой; он был вообще ласков со мной и никому, кроме себя самого, не позволял меня бить. Просьбу мою он исполнил в следующую же ночь.

Я взял с собой кортик, столько же в знак своего офицерского чина, как и для защиты. В сумерках мы поплыли к земле и пристали к Госпортскому берегу; люди наши в пиджаках, то есть коротких кафтанах из так называемого флашинга, были вооружены ножами. Мы не хотели заглядывать в городские пивные, так как было еще очень рано, а углубились мили на три в предместье и пришли к одному дому, дверь которого была заперта. Мы выломали ее в одну минуту и поспешно вошли в коридор, где путь нам преградила хозяйка. Коридор был длинен и узок, а хозяйка такая высокая и толстая, что ее тело почти заполняло коридор; в руке у нее был длинный вертел, направленный против нас и мешавший нам двигаться вперед. Офицерам, стоявшим впереди, не очень-то хотелось нападать на женщину; а она размахивала вертелом так решительно, что, не отступи они, некоторые из них как раз попали бы на жаркое. Матросы, стоя на улице, смеялись и предоставляли офицерам делать свое дело, как умеют.

Наконец она закричала своему мужу:

– Что, все ушли, Джемс?

– Да, – отвечал тот, – слава Богу, ушли.

– Хорошо, – сказала она, – теперь я заставлю уйти и этих.

И с этими словами она с такой силой ринулась вперед, что, если бы мы не отскочили назад, попадав друг на друга, она, наверно, пронзила бы насквозь второго лейтенанта, командовавшего партией. Коридор очистился в одну минуту, и лишь только мы очутились на улице, она тотчас же заперла дверь на задвижку. Таким образом, трое офицеров и пятнадцать вооруженных матросов были отбиты жирной старухой, а моряки, пившие в этом доме, спаслись в другом месте. Но иначе и быть не могло. Мы должны были убить или ранить женщину, в противном случае она пронзила бы нас насквозь; она действовала так решительно! Если бы нам в коридоре встретился ее муж, мы сладили бы с ним миром, но что вы станете делать с жен-

щиной, которая сражается, как дьявол, и, однако, претендует на все права и преимущества нежного пола? Одураченные, мы отправились своим путем, а О'Брайен обещал, что в следующий раз, когда ему придется иметь дело с этим домом, он постарается обойти старую ведьму и схватить ее милость с тыла.

Мы постучались потом в несколько других домов и захватили двух или трех человек; но большая часть спаслась через окна или задний ход в то время, как мы входили передним. В числе здешних пивных была одна, составляющая любимейшее сборное место матросов, принадлежавших купеческим кораблям; здесь они имели обыкновение укрываться, когда доходили до них слухи о наборе. Наши офицеры знали это и равнодушно смотрели, как спасались матросы, так как были уверены, что они отправятся в это место и, понадеясь на свою численность, захотят оказать нам сопротивление. Пробыло десять часов, и начальники наши решили, что время идти туда на приступ. Мы продвигались вперед без шума, но они расставили наблюдателей, и лишь только мы завернули за угол, была поднята тревога. Я боялся, что они разбегутся, и мы лишимся их; но в эту ночь они, наоборот, приняли грозный вид и решили «дать бой». Матросы остались в доме, и только авангард, состоявший из их жен, числом около тридцати, встретил нас градом камней и грязи. Некоторые из наших матросов были ранены, но, казалось, не обращали ни малейшего внимания на женщин. Они бросились вперед, но женщины напали на них с кулаками и ногтями. Тем не менее матросы только смеялись и отталкивали их, приговаривая:

– Успокойся, Полл. Перестань дурачиться, Молли.

– Отойди прочь, Сьюки; мы пришли не для того, чтобы отнимать у вас ваших милых мужей и прочее.

Но между тем лица многих матросов обагрились кровью, сочившейся из царапин, оставленных женщинами. Мы пытались пробиться таким образом; но тут со мной случилась беда, от которой я едва спасся. Одна из женщин, схватив меня за руку, потащила к себе; не случись тут одного из квартирмейстеров, я был бы отделен от своей партии; но в ту самую минуту, как меня потащили, он удержал меня, схватив за ногу.

– Ступай сюда, Пег, – закричала женщина одной из своих подруг. – Помоги мне завладеть этим маленьким мичманом; мне нужен младенец дососать молоко кормилицы.

Еще две женщины поспешили к ней на помощь и ухватили меня за другую руку. Они вырвали бы меня у квартирмейстера, если бы тот, со своей стороны, также не позвал на помощь, вследствие чего двое матросов схватили меня за другую ногу. Тут-то поднялся шум вокруг моей персоны; меня рвали и тащили во все стороны: то женщины выигрывали во мне дюйм или два, то снова матросы возвращали меня обратно. Одну минуту я считал себя погибшим, в следующую я был уже среди своих.

– Тащи, тащи назад! – кричали друг другу женщины с громким хохотом.

Что до меня, то я уверяю вас, мне было не до смеха; мне казалось, что меня растянули на целый дюйм, и я чувствовал сильную боль в коленях и плечах. Наконец женщины так расхохотались, что не могли удержать меня, и меня втоптали в середину наших матросов, где я и постарался остаться. Некоторое время еще продолжались толкотня и драка, наконец толпа внесла меня в дом. Матросы купеческих кораблей вооружились кистенями и прочим оружием и заняли позицию на столах. Их было почти вдвое больше нас; они отчаянно сопротивлялись; бой был страшен.

Наши матросы вынуждены были прибегнуть к ножам. Вопли и проклятия, толчея и драка, тасканье друг друга за ворот и фехтование – все это отняло у меня на несколько минут всякое сознание; к тому же поднялась пыль, которая не только ослепляла, даже душила меня. Я начинал уже задыхаться, когда наши одержали верх; заметив это, хозяйка и бывшие в доме женщины затушили свечи, так что я не знал, где нахожусь. Однако матросы наши успели схватить каждый по противнику и вытащили их на улицу, где и повязали.

Теперь я снова попал в затруднительное положение. Сбитый с ног, измученный, я едва мог подняться на ноги и, не зная направления, в котором находился выход, пошел ощупью вдоль стены и достиг какой-то двери. В это время комната уже опустела, потому что женщины ушли из дома вслед за матросами. Я отпер дверь и очутился в маленькой боковой гостиной, где был разведен огонь, но не было свеч. Заметив свою ошибку, я хотел было воротиться, как вдруг кто-то сзади толкнул меня, и ключ щелкнул в замке. Признаюсь, оставшись один, я почувствовал сильную робость при мысли, что на меня обрушится мщение этих женщин.

Я считал смерть свою неизбежной и ожидал, что подобно Орфею, о котором где-то читал, буду разорван на части этими вакханками. Однако ж я вспомнил, что я офицер на службе его королевского величества и что долг мой, в случае надобности, жертвовать жизнью за короля и отечество. Я думал также о моей матушке, но мысль о ней печалила меня, и я постарался забыть ее и припомнить все, что читал о твердости и храбрости разных воинов в минуту, когда смерть глядела им в глаза. Я поглядел в замочную скважину и увидел, что свечи были зажжены снова и в комнате находились только женщины, болтавшие все сразу и совсем не думавшие обо мне. Через минуту или две в комнату вошла с улицы какая-то женщина, с черными волосами, распущенными по плечам, и с шляпкой в руке.

– А, – вскричала она, – они схватили моего мужа! Но черт меня побери, если я не упрята там в гостиной мичмана; он займет его место.

Я чуть было не умер при виде этой женщины, в особенности заметив, что она вместе с другими подходит отворить дверь. Когда дверь открылась, я выхватил кинжал, решив умереть, как следует офицеру, и лишь только они вошли, я отступил в угол, молча размахивая кортиком.

– Хорошо, – вскричала женщина, взявшая меня в плен, – я люблю видеть бурю в луже. Посмотрите-ка на этого маленького сладкоежку – он прикидывается, будто хочет драться. Поди сюда, мой милый, ты принадлежишь мне.

– Никогда! – вскричал я с негодованием. – Держитесь подальше, или вам плохо будет, – и я направил против них кортик, – я офицер и джентльмен.

– Сэл, – закричала ненавистная женщина, – принеси щетку и ведро помоев; я вышибу из его рук этот кинжал.

– Нет, нет, – возразила другая, очень хорошенькая молодая женщина, – оставьте его мне, не бейте его. Он, право, очень миленький человек. Как вас зовут, мой милый?

– Мое имя Питер Симпл, – ответил я, – я королевский офицер. Так что подумайте о том, что хотите делать.

– Не бойтесь, Питер, вас никто не тронет; но вы не должны обнажать кортик против дам: это неприлично для офицера и джентльмена. Вложите его в ножны и будете умный мальчик.

– Я исполню вашу просьбу, – возразил я, – если вы обещаете отпустить меня без обиды.

– Обещаю – честное слово, Питер! Клянусь честью! Ну, довольно с вас этого?

– Да, – отвечал я, – если каждая из вас обещает то же.

– Клянемся честью! – закричали все.

Я этим довольствовался и, вложив в ножны кортик, готовился оставить комнату.

– Стой, Питер! – вскричала молодая женщина, принявшая мою сторону. – Ты должен поцеловать меня, прежде чем уйдешь.

– И меня, и нас всех, – закричали прочие женщины.

Я рассердился и хотел было снова обнажить кинжал, но они так стиснули меня, что не допустили до этого.

– Вспомните, вы клялись честью! – закричал я молодой женщине, стараясь вырваться.

– Честью, Питер! Бог с вами! Чем меньше мы станем говорить о моей чести, тем лучше.

– Но вы обещали отпустить меня, – сказал я, обращаясь к прочим.

– Мы и отпустим вас; но только вспомните, Питер, что вы офицер и джентльмен, не будете же вы так скупы, чтобы уйти, не угостив нас. Сколько у вас денег в кармане?

И, не дожидаясь ответа, одна из женщин полезла в мой карман и вынула оттуда кошелек, открыла его и высыпала деньги на стол.

– Эге! Питер, вы богаты, как еврей! – вскричала она, сосчитав тридцать шиллингов на стол. – Что вы даете нам?

– Все, что угодно, – отвечал я, – только отпустите меня.

– Хорошо, так мы потребуем галлон джину. Сэл, позови миссис Фланаган, пусть подаст нам галлон джипу и чистые стаканы.

Миссис Фланаган получила большую часть моих денег и через минуту вернулась с джином и стаканами.

– Ну, Питер, мой голубчик, теперь за стол и давай пить.

– О нет, – возразил я, – возьмите мои деньги, пейте джин, но только, сделайте одолжение, позвольте мне уйти.

Но об этом они и слышать не хотели. Пришлось сесть с ними; джин был налит, и меня заставили выпить стакан, от которого я чуть не задохнулся. Однако ж это придало мне такой храбрости, что я вскоре почувствовал себя в состоянии победить их всех. Дверь в комнату находилась рядом с камином, и я заметил в нем между дровами кочергу, раскалившуюся докрасна. Я пожаловался, что мне холодно, хотя и чувствовал себя в горячке; мне позволили встать, чтоб погреть руки; приблизившись к камину, я схватил раскаленную кочергу и, размахивая ею над головой, бросился к двери.

Они вскочили, чтоб удержать меня, но я ткнул переднюю кочергой, и она с воплем полетела назад – кажется, я обжег ей нос. Воспользовавшись этой минутой, я выбежал на улицу, размахивая кочергой, между тем как женщины следовали за мной с криком и бранью. Я не перестал бежать и размахивать кочергой, пока, наконец, пот не полился с меня ручьем, а кочерга совершенно не остыла. Оглянувшись, я заметил, что нахожусь один.

Я остановился на углу, не зная, где нахожусь и что мне делать. Я чувствовал себя несчастным и раздумывал о плане действий, как вдруг из-за угла вышел один из наших квартирмейстеров, случайно забытый на берегу. Я узнал в нем одного из наших людей по пиджаку и соломенной шляпе и очень обрадовался. Я рассказал ему все, что случилось; он повел меня в один дом, где его знали и где мы были приняты хозяевами очень любезно. Хозяйка, по требованию квартирмейстера, подала нам пива, которое показалось мне очень недурным. Выпив кувшин, мы заснули в креслах. В семь часов квартирмейстер разбудил меня; мы взяли лодку и отправились на корабль.

Глава десятая

О'Брайен берет меня под свое покровительство. – Выдача жалованья корабельному экипажу, расплата с маркитантками, евреями и с эмансипатором, но не без некоторой церемонии. – Мы отправляемся в море. – Лечение доктора О'Брайена от морской болезни.

По прибытии я представился старшему лейтенанту, рассказал ему свои приключения и показал кочергу, принесенную мною на борт. Он выслушал меня терпеливо и сказал:

– Что ж, мистер Симпл, в вашей семье вы, может быть, и дурак, но я на этот счет совсем другого мнения, а потому постарайтесь никогда не казаться глупым при мне. Эта кочерга доказывает мою правоту; если у вас хватает ума действовать себе на пользу, то я требую, чтоб его хватало и на пользу службы.

Вслед за тем он послал за О'Брайеном и сделал ему выговор за то, что он позволил мне участвовать в наборе, подчеркивая то, что толку от меня не было и не могло быть никакого, а между тем со мной могло бы случиться какое-нибудь серьезное несчастье. Это замечание действительно было справедливо. Я взошел на верхнюю палубу, где встретился с О'Брайеном.

– Питер, – сказал он, – меня выбрали за то, что я брал тебя с собой; после этого я вправе вручить тебе твою долю за то, что ты просил меня об этом.

Я хотел было сказать что-нибудь в опровержение этого умозаключения, но он укоротил все мои аргументы, вытолкав меня в люк. Таков был конец моей ревностной попытки приобрести матросов на службу его королевского величества.

Наконец, фрегат был вполне экипирован (мы получили еще несколько отрядов матросов с других кораблей), и нам велено было до отплытия в море выдать экипажу жалованье. Народ на берегу всегда пронюхает о выдаче жалованья на корабле, и нас еще рано утром окружили лодки с евреями и другим торговым людом. Одни просили пропуск для продажи своих товаров, другие – для получения платы за то, что было забрано матросами в кредит. Но старший лейтенант запретил впускать их, пока не выдано будет жалованье экипажу. Однако ж они так надоедали нам, что он вынужден был поставить цепь часовых с ружьями, заряженными порохом, чтоб удерживать на почтительном расстоянии боты, подходящие слишком близко к кораблю. Я стоял у сходней, надзирая за ботами, как вдруг какой-то человек отвратительной наружности закричал мне с лодки:

– Прошу вас, сэр, позвольте мне пробраться с бакборта, я вам подарю прекрасную вещицу.

Говоря это, он вынул и протянул мне золотую печатку.

Меня очень оскорбило предположение этого человека, что меня можно подкупить, и я приказал часовому прогнать его подальше. Около одиннадцати часов прибыл адмиралтейский бот с писцами казначейства, и кассир со своим денежным сундуком был введен в переднюю каюту, где его ожидал капитан за конторкою. Матросов поочередно вызывали, и так как суммы, которые им следовало выдать были уже заранее отсчитаны, то дело шло очень скоро. Сосчитав деньги в присутствии офицеров и капитана, они укладывали их в свои шляпы.

У дверей каюты стоял высокий человек, весь в черном, с зачесанными вверх волосами, доставленный на борт по особому приказу от адмирала порта. Он не давал проходу ни одному матросу, выходящему из каюты с деньгами в шляпе, добиваясь от каждого пожертвований на эмансипацию негров Вест-Индии. Но матросы не давали ничего.

Они клялись, что неграм лучше, чем им, так как те не работают так тяжело изо дня в день и не несут вахту за вахтой по ночам.

– Все мы в целом мире являемся рабами, мой старый псалмопевец, – говорил один из них. – Они – рабы своих господ, так сказать, из чувства долга; мы – рабы короля, потому что он не может обойтись без нас; и он никогда нас ни о чем не спросит, а делает все, как хочет.

– Да, это так, но их рабство – это нечто совсем иное, у вас совсем не рабство, – возразил джентльмен с ежиком.

– Не могу сказать, чтобы я заметил какую-нибудь разницу. А ты, Билл?

– И я не вижу; но я полагаю, что если им не нравится это, они могут убежать.

– Убежать! Бедные создания! – воскликнул черный джентльмен. – Да если они это сделают, их будут пороть!

– Пороть! Ха-ха! А если мы убежим, то нас повесят. Неграм значительно лучше, чем нам. Не так ли, Том?

В это время вышел интендант. Он был, что называется, законник, или чуть-чуть юрист, то есть получил немножко больше образования, нежели матросы вообще.

– Надеюсь, что вы, сэр, пожертвуете что-нибудь, – сказал ему человек в черном.

– Я? Никак нет, друг сердечный; я задолжал каждый фартинг моих денег и боюсь, что даже больше.

– И тем не менее, сэр. Ведь я прошу сухую безделицу.

– Каким вы должны быть бесчеловечным мошенником, чтобы требовать от меня отдать то, что мне не принадлежит! Разве я не сказал вам, что задолжал все эти деньги? Есть старинная поговорка: будь более честен, чем щедр, или сначала отдай долг, а уж затем раздавай милостыню. А вы, по-моему, – продолжал он, – методистский бездельник, мерзавец, и если кто-нибудь будет так глуп, что даст вам денег, вы их присвоите и употребите в свою пользу.

Когда он убедился, что ничего не добьется у дверей, он сошел на нижнюю палубу, что было не очень мудро с его стороны. Так как жалованье уже было роздано экипажу, то ботам разрешили причалить к кораблю, а они тайком навезли столько спиртного, что большинство моряков были более или менее пьяны.

Как только он спустился вниз, то принялся раздавать картинки, на которых был изображен негр, стоящий на коленях, опутанный цепями и вопрошающий: «Разве я не твой брат?». Некоторые матросы смеялись и клялись, что расклеят этих братьев над обеденными столами, чтобы они молились вместо матросов, другие были весьма сердиты и оскорбляли его. Наконец, один из них, очень пьяный, подошел к нему.

– Ты хочешь этим намекнуть, что этот плаксивый черный вор – мой брат?

– Уверен в этом, – сказал методист.

– Тогда вот тебе за эту дьявольскую ложь! – сказал моряк, ударяя его по лицу с правой и с левой, после чего опрокинул беднягу на бухту каната.

Выпугавшись из канатов, он убрался с фрегата так быстро, как только смог.

На корабле в это время царили беспорядок и суматоха. Тут были евреи, старавшиеся продать платье или получить деньги за уже проданное прежде; маркитанты и маркитантки, показывавшие свои счета и умолявшие заплатить; береговые обыватели, предъявлявшие тысячи ничтожных долгов, и матросские жены, следовавшие по их стопам и оспаривавшие каждый представляемый счет, называя его лихоимством и грабительством. Отовсюду слышались крики, угрозы, смех, вопли женщин, которые должны были покинуть корабль до захода солнца. Здесь еврея сбивали с ног, и весь его короб с платьем летел в трюм; там матрос бегал взад и вперед, отыскивая еврея, который обманул его; везде пьяные, везде спор и драка. В самом деле, матросам очень трудно было расплатиться с долгами. Деньги требовали все: евреи – за платье, маркитанты – за пищу, которую доставляли им в гавани, а жены требовали средств к пропитанию на время их отлучки; денег же, которые матросы получали, хватило бы, вообще говоря, на удовлетворение не более как одного из этих требований. Само собой разумеется, жены получали большую часть, прочим уплачивалась безделица, а остальное обещалось по возвращении из крейсерства. С первого взгляда вам может показаться, что таким образом две части кредиторов были обижены; но в сущности, они были более чем удовлетворены, потому что требования их были до того ни с чем не сообразны, что если бы оплатить только третью

часть их счетов, и тогда б они остались в большом барыше. Около пяти часов отдан был приказ очистить корабль. Морской сержант во главе отряда матросов уладил все спорные пункты; он разлучил евреев с их противниками и выпроводил с борта всех посторонних.

По свистку опустили койки, пьяных уложили, и корабль наконец успокоился. Никого не наказали за пьянство, так как на борту военного корабля в день выдачи жалования оправдывается всякое дурное поведение; но с этого дня матросы открывают новую страницу жизни. В самом деле, хотя в гавани и делается некоторое послабление в дисциплине против устава и матросов редко наказывают, но с той минуты, как якорь занимает свое место на носу корабля, соблюдается строжайшая дисциплина и пьянство уже не прощают.

На следующий день все было готово к отплытию; отпуск не давали никому, даже офицерам. Всякие припасы доставлены на борт, большие боты подняты и привязаны. На следующее утро, на рассвете, флагманский корабль, стоявший в гавани, подал нам знак к поднятию якоря. Мы получили приказание крейсировать в Бискайском заливе. Капитан прибыл на борт, якорь подняли, и корабль поплыл мимо Нидлсов при тихом северо-восточном ветре. Я наслаждался зрелищем, которое представлял остров Уайт, с удивлением обозревал Алумский залив, с тайным трепетом Нидлские скалы, и, наконец, почувствовал себя до того нездоровым, что вынужден был сойти вниз. Что было в следующие шесть дней, я не могу сказать. Я ожидал смерти каждую минуту и провел все то время, лежа в койке или на сундуке, будучи не в состоянии ни есть, ни пить, ни стоять на ногах. На седьмое утро ко мне вошел О'Брайен и объявил, что мне нужен моцион, иначе я никогда не выздоровлю. Он уверял, что любит меня, берет под свое покровительство и в доказательство сделает для меня то, чего не потрудился бы сделать ни для одного из наших мичманов, а именно хорошенько поколотит меня, так как это самое действенное лекарство против морской болезни. К словам он присоединил действие и начал колотить меня без пощады по бокам, так что, казалось, душа моя готова была оставить тело; потом, взяв конец веревки, стал меня стегать, пока я не исполнил его приказание идти на палубу. До его прихода я и не воображал, что в состоянии сделать это; но как бы то ни было, я постарался ползком взобраться по лестнице на верхнюю палубу и, усевшись там на пороховом ящике, начал горько плакать. Чего б я не дал, чтоб быть опять дома! Виноват ли я, что глупее всех в своем семействе – и, однако ж, как жестоко наказан за это! Но мало-помалу я успокоился, почувствовал себя гораздо лучше, и эту ночь спал хорошо. На следующее утро О'Брайен снова вошел ко мне.

– Эта морская болезнь, Питер, – сказал он, – не что иное, как гадкая медленная лихорадка; мы прогоним ее!

И он выдал мне новую порцию вчерашнего лекарства, пока из меня не вышло что-то вроде студня. Не знаю, опасение ли быть снова избитым, или что другое прогнало мою морскую болезнь; верно только то, что после повторных побоев О'Брайена я выздоровел и, проснувшись на следующее утро, почувствовал сильный голод. Я поспешил одеться до прихода О'Брайена и увиделся с ним только за завтраком.

– Позволь мне пощупать твой пульс, Питер, – сказал он.

– О нет, – возразил я, – я уже выздоровел.

– Уже выздоровел! Можешь ты есть сухари и соленое масло?

– Могу.

– А кусочек жареной свинины?

– Да.

– Ну, так благодари меня, Питер. Теперь ты избавлен от моего лекарства до возвращения болезни.

– Надеюсь, что этого не будет, – возразил я, – лекарство твое не очень-то приятно.

– Не очень-то приятно! Какой же ты простак, Симпл! Где ты слышал, чтоб лекарство было приятно, если оно не прописано самим тобой? Желтая лихорадка давно бы уж свела тебя

в Елисейские! Живи и учись, мальчик мой, и благодари небо, что ты нашел человека, который настолько любит тебя, что не отказывает в побоях, когда они необходимы для твоего здоровья.

Я отвечал, что очень благодарен ему, но надеюсь, что больше такие доказательства любви не понадобятся.

– Позволь тебе сказать, Питер, что эти доказательства чистосердечны. Пока ты был болен, я съедал твою порцию свинины и выпивал твой грог, который не скоро найдешь в Бискайском заливе; теперь же, когда я вылечил тебя, ты будешь уписывать все это сам. Следовательно, от твоего выздоровления я ничего не выиграл. Надеюсь, ты теперь убедишься, что за всю жизнь свою не получал еще таких бескорыстных побоев. Но как бы то ни было поздравляю с выздоровлением и не станем говорить об этом.

Я промолчал и весело принялся за завтрак. С того же дня я снова приступил к своим обязанностям. Меня назначили на одну вахту с О'Брайеном, который просил о том старшего лейтенанта, обещая взять меня под свой надзор.

Глава одиннадцатая

Новая теория мистера Мадли, замечательная по своей бесконечности. – Оригинальное обыкновение мистера Чакса. – Я приношу шкиперу ночную подзорную трубу.

О капитане и старшем лейтенанте было уже так много сказано, что читатель в состоянии получить представление об их характере. Теперь я упомяну еще о двух странных лицах, моих товарищах по службе, именно о плотнике и боцмане. Плотник, по имени Мадли, отзывался на прозвище «Философ Чипе» не потому, что он следовал какой-нибудь особенной школе, а потому, что составил собственную теорию, в которой его никак нельзя было разуверить. Она состояла в том, что события Вселенной круговращаются так, что в известный период времени должны повториться снова. Я никак не мог добиться от него объяснения, на каких данных он основывает свои вычисления. Он говаривал, что я слишком молод, чтоб понимать это, но дело в том, что через 27672 года все, что происходит теперь, повторится снова с участием тех же самых лиц. С капитаном Савиджем он редко говорил о своей теории, но старшему лейтенанту излагал ее очень часто.

– Так было и прежде, сэр, уверяю вас: 27672 года тому назад вы уже были старшим лейтенантом этого корабля, а я плотником, хоть мы того и не помним; через 27672 года мы будем снова стоять около борта и разговаривать о ремонте, как и сейчас.

– Не сомневаюсь, сэр, – возражал старший лейтенант. – Скажу даже, что все это совершенно справедливо; но тем не менее починки должны быть окончены ночью, а через 27672 года вы получите такое же категорическое приказание по этому предмету, так уж лучше делайте, что вам говорят.

Такая теория делала его, Мадли, весьма равнодушным к опасностям и ко всему на свете. Это ничего не значило, все происходит уж не в первый раз. Случалось в прошлом – повторится и в будущем; судьба всегда останется судьбой.

Но личность боцмана была еще занимательнее. Он считался самым примерным (то есть деятельным и строгим) боцманом в королевской службе. Его прозвали «Джентльменом Чаксом»; последним словом в этом прозвище было его имя. Казалось, его образование не было доведено до конца: в его разговоре первые фразы были замечательно изысканы, и вдруг вырывалось красное словцо. Внешность его была очень приятна: могучие формы, проницательные глаза и волосы, завивавшиеся в кольца. Голову он держал всегда прямо, поступь имел гордую. Он говорил, что офицер должен выглядеть офицером и вести себя сообразно своему званию. Он был очень чистоплотен, носил кольца на крупных пальцах и пышные оборки на груди, торчащие подобно спинным плавникам окуня; воротнички рубашки были всегда подняты вверх до самых скул. Он никогда не появлялся на палубе без своего средства убеждения или «убедителя», как он называл свою дубинку, сплетенную из трех хлыстов. Убедитель этот никогда не оставался в бездействии. Чакс старался быть как нельзя вежливее, даже с простыми матросами, и замечания его всегда начинались очень деликатно, но чем далее он говорил, тем менее изысканной становилась его фразеология. О'Брайен выразился однажды, что речь его очень похожа на поэтическое изображение греха: прекрасны верхние члены, но отвратительны нижние. К примеру, вот что сказал он матросу на баке:

– Позвольте вам заметить самым деликатным образом в свете: вы пролили деготь на палубу, мой милый, на палубу, сэр, которую, простите мне это замечание, я должен попросить вас вымыть к завтрашнему утру. – И затем, повышая голос, продолжал: – Понимаете ли вы меня, сэр, вы замарали бак корабля его королевского величества. Я должен исполнить мою обязанность, сэр, когда вы не радеете о своей. Так вот тебе, так вот тебе (бьет матроса дубинкой). Проклятое отродье корабельного повара! Сделай это еще раз, черт возьми! Я вырежу тебе печень!

Помню, один корабельный юнга, неся ведро помоев на голове, чтобы их вылить, забыл приложить палец к фуражке, проходя мимо боцмана.

– Стой, мой дружок, – сказал ему боцман, расправляя оборки и поправляя с обеих сторон воротнички рубашки. – Известны ли вам мой чин и положение в обществе?

– Да, сэр, – ответил юнга, дрожа и поглядывая на дубинку.

– А, вам известно это! – продолжал мистер Чакс. – Если бы это не было вам известно, я считал бы необходимым хорошенько наказать вас, чтоб избавить от подобного неведения впредь, но раз вы знаете, – ну, так черт вас возьми, вам нет прощения; вот вам, вот вам, ревун, голодный недоносок. Прошу извинить, мистер Симпл, – сказал он, обращаясь ко мне (я был в это время с ним), между тем как юнга с воплем продолжал свой путь, – право, служба делает нас строгими. Тяжко жертвовать здоровьем, ночным покоем, всеми удобствами, но тяжелее для меня то, что по ответственности положения я вынужден часто жертвовать своим благородством.

Шкипер был начальником вахты, к которой я был причислен. Это был добрый моряк, воспитанный на купеческом корабле, наружности не совсем-то джентльменской, очень покладистый и большой любитель грога. Он беспрестанно ссорился с боцманом и уверял, что служба много потеряла с тех пор, как патентованные офицеры стали носить белые манжеты и рубашки с оборками. Но боцман не обращал на него внимания; он знал свои обязанности и исполнял их, а до остального ему не было дела.

– Был бы доволен капитан, – говорил он, – а там пусть дуется на меня хоть весь корабельный экипаж. Что касается шкипера, это очень хороший человек, но кто получил воспитание на угольном корабле, от того нельзя ожидать хорошей полировки.

– Да и в самом деле, – прибавил он, подымая вверх воротнички рубашки, – невозможно сделать шелковый кошелек из свиного уха.

Шкипер был очень благосклонен ко мне и обыкновенно посылал меня в койку до окончания вахты. В ожидании этого времени я обычно гулял по палубе с О'Брайеном, который в моих глазах был очень занимательным собеседником и учил меня всему, что имело отношение к моему званию.

– Парус со стороны штирборта! – закричал сторожевой.

– Хорошо! – отозвался шкипер. – Мистер О'Брайен! Где мистер О'Брайен?

– Вы меня зовете, сэр? – спросил О'Брайен.

– Да, сэр, посмотрите, что за корабль?

– Слушаю, сэр, – ответил О'Брайен.

– А вы, мистер Симпл, – продолжал шкипер, – сойдите вниз и принесите мне мою ночную трубу.

– Слушаю, сэр, – ответил я.

Я не имел понятия о ночной подзорной трубе, но так как я заметил, что примерно в это время слуга обыкновенно приносил шкиперу стакан грогу, то сообразил, что знаю, чего ему надобно.

– Но смотрите, не разбейте, мистер Симпл, – прибавил он.

«О, так, отгадал, – подумал я, – ему нужен стакан».

Я сошел вниз, позвал смотрителя пороховой камеры и попросил его дать мне стакан грогу для мистера Доуболла. Буфетчик, полусонный и в одной сорочке, встал с постели, сделал грог, подал мне, и я осторожно понес его на квартердек.

В мое отсутствие шкипер успел уже вызвать капитана. По приказанию последнего О'Брайен вызвал старшего лейтенанта, и когда я вошел, оба они уже были на палубе. Подымаясь по лестнице, я слышал, как шкипер говорил:

– Я послал молодого Симпла за ночной подзорной трубой, но его так долго нет, что я полагаю, он как-нибудь ошибся, ведь это почти дурак.

– Я не согласен с вами, – возразил мистер Фокон, старший лейтенант, в ту самую минуту, когда я вступил на палубу.

– Он не дурак? Может быть, – ответил шкипер. – Да вот и он. Что вы там так долго делали, мистер Симпл? Где моя подзорная труба?

– Вот, сэр, – ответил я, подавая ему стакан грогу, – я приказал сделать покрепче.

Капитан и старший лейтенант прыснули от смеха; мистер Доуболл был известен как страшный охотник до грога. Первый из них, чтоб скрыть свой смех, удалился на корму; но последний остался. Мистер Доуболл пришел в ярость.

– Не говорил ли я, что парень глуп? – сказал он, обращаясь к старшему лейтенанту.

– По крайней мере, данный случай этого не доказывает, – возразил мистер Фокон, – он метко попал в цель.

Сказав это, старший лейтенант присоединился к капитану, и оба они, смеясь, ушли с палубы.

– Поставьте это на кабестан, сэр, – сказал мне мистер Доуболл сердитым голосом. – Вы оплатитесь за это.

Я очень удивился, но все-таки не догадывался, дурно ли, хорошо ли поступил. Во всяком случае, думал я, сделал это с добрым намерением. Поставив стакан на кабестан, я отошел в сторону и принялся гулять по палубе. Лишь только капитан и старший лейтенант сошли вниз, О'Брайен подошел на корму.

– Что это за корабль, там вдали? – спросил я.

– Это десятипушечный бриг, как я полагаю.

Я рассказал ему о случившемся и объявил, что шкипер сердится на меня. Он чистосердечно смеялся этому и успокоил меня, приказав оставаться с подветренной стороны фрегата и наблюдать за шкипером.

– Стакан грогу для него такая приманка, что он будет лавировать вокруг него, пока не выпьет. Когда ты увидишь, что он подносит его к губам, подходи смело и проси извинения, если чем обидел его; он простит тебя.

Я решил последовать этому доброму совету и стал ожидать. Я заметил, что шкипер вертится вокруг кабестана и всякий раз описывает круги все меньше и меньше; наконец, он схватил стакан и выпил половину. Грог был так крепок, что он остановился перевести дух. Я считал это благоприятным моментом и подошел к нему; он снова поднес стакан к губам, и, прежде чем он успел заметить меня, я сказал:

– Надеюсь, сэр, вы простите меня; я не видывал ночной трубы и, заметив, что вы много ходили, подумал, что вы устали и желаете чего-нибудь выпить для прохладения.

– Хорошо, мистер Симпл, – сказал он, допив стакан с глубоким вздохом, выразившим удовольствие. – Так как вы сделали это с добрым намерением, то я прощаю вам на этот раз; но помните, что если в другой раз принесете мне стакан грогу, то чтоб это не было в присутствии капитана и старшего лейтенанта.

Я обещал и ушел очень довольный примирением с ним и еще более отзывом старшего лейтенанта, который утверждал, что настоящий поступок не доказывает моей глупости.

Наконец наша вахта кончилась, и около двух часов меня сменил мичман следующей вахты. Очень неприятно, когда тебя не сменяют вовремя; но если бы я в таком случае сказал хоть слово, то, наверное, был бы побит на следующий день под тем или другим предлогом. С другой стороны, мичман, которого я сменял, был гораздо сильнее меня, и если бы я не поднимался заблаговременно, он непременно стащил бы меня с постели и поколотил; часто, благодаря им обоим, я был на вахте чаще, чем следовало; исключения случались только тогда, когда шкипер посылал меня в постель до истечения моей вахты.

Глава двенадцатая

Пациент старшего лейтенанта. – Мистер Чакс, боцман, поверяет мне тайну о своем благородном происхождении.

Прежде чем примусь продолжать рассказ, я хочу объяснить читателю, что история эта написана не в позднейший период моей жизни, когда я приобрел уже некоторое знание света. Впервые отправляя меня в море, матушка просила, и я обещал ей вести дневник моих приключений и мыслей, которые они внушат мне. Я строго исполнял это обещание, и когда стал сам себе господином, этот дневник остался в моем владении. Естественно, что в изложении первой половины моих приключений каждое событие представлено в духе того впечатления, которое оно произвело на меня. Впоследствии мнение мое касательно многих вещей изменилось; некоторые пассажи и истории заставляли меня смеяться над собственной глупостью и наивностью; но все-таки я считал лучшим не замешать в нем свои юношеские представления о жизни теми, которые внушила мне впоследствии дорого приобретенная опытность. Нельзя требовать от мальчика пятнадцати лет, воспитанного в стенах провинциального города, чтоб он смотрел на вещи и судил о них так, как молодой человек, видевший и испытавший в жизни многое. Итак, читатель не должен забывать, что в моем дневнике я сообразовывался с понятиями и чувствами, руководившими мной в каждом из различных периодов моей жизни, о которых я буду рассказывать.

Однажды утром я стал свидетелем забавного случая. Мы занимались штопанием коек на четвертердеке. В это время вошел юнга с койкой на плечах, и когда он проходил мимо старшего лейтенанта, последний заметил у него за щекой сверток табаку.

– Что это у тебя, мой милый, десны болят, что ли? Твоя щека страшно распухла.

– Нет, сэр, – возразил юнга, – я ничего не чувствую.

– Ну так, может быть, у тебя зуб болит? Открой рот, я посмотрю.

Юнга очень неохотно открыл рот, и глазам старшего лейтенанта представился огромный сверток табачного листа.

– Ага, вижу, вижу, – вскричал старший лейтенант. – Тебе надобно растянуть рот и почистить зубы. Жаль, что у нас нет зубного лекаря на борту, но делать нечего, я елтл произведу операцию. Позовите оружейника с щипцами.

Оружейник явился, юнгу заставили открыть рот, и сверток табаку был вытаскен этим грубым инструментом.

– Хорошо, – сказал старший лейтенант. – Я уверен, что тебе теперь лучше, иначе ты навсегда лишился бы аппетита. Капитан, достаньте-ка лоскуток канифаса и немного песку, да почистите ему хорошенько зубы.

Тот выступил вперед, зажал голову юнги между колен и принялся тереть ему зубы песком и канифасом, что продолжалось минуты две.

– Хорошо, – сказал старший лейтенант. – Теперь у тебя хорошенький чистенький ротик, и ты можешь снова наслаждаться завтраком, а то до сих пор тебе невозможно было есть с таким грязным ртом. Когда туда еще что-нибудь попадет, снова приходи ко мне; я готов служить тебе зубным лекарем.

В другой раз я находился на баке вместе с боцманом, мистером Чаксом, который был очень расположен ко мне. Он учил меня завязывать на канате разные узлы и банты, употребляемые в нашей службе; я был страшно непонятлив, но он терпеливо повторял свои указания, пока, наконец, я не выучился. Между прочим, он научил меня завязывать так называемый «рыбачий бант», который он называл королем всех узлов.

– Мистер Симпл, – сказал он, – в этом узле заключается глубокая мораль. Заметьте, если вы потянете концы в правую сторону, и притом вместе, то чем больше вы тянете, тем

труднее становится развязать его. Но смотрите: я потяну концы каждый отдельно – и вмиг он ослабляется, и развязать его очень легко. Это указывает на необходимость действовать в этом мире заодно, мистер Симпл, если мы хотим добиться успеха, а эта философия стоит всех двадцати шести тысяч с лишком лет моего друга плотника, которые не ведут его ни к чему иному, как только к мечтательности, мешающей ему исполнять свои обязанности.

– Справедливо, мистер Чакс, вы философ почище его.

– Я лучше воспитан, мистер Симпл, и, надеюсь, более похож на джентльмена. По-моему, всякий джентльмен в некоторой степени философ, потому что он часто бывает вынужден для поддержания своего достоинства противостоять таким обстоятельствам, которые разнуздали бы все страсти в другом. Я считаю отличительной чертой джентльмена хладнокровие. На службе, мистер Симпл, иной вынужден казаться сердитым, даже если сам не оправдывает этой страсти. Я могу сказать, что никогда не лишаюсь хладнокровия, даже когда даю волю своему «убедителю».

– Для чего же вы, мистер Чакс, так ругаетесь, когда говорите с матросами? Уж, конечно, это не по-джентльменски?

– Конечно, нет, сэр. Но я замечу в свою защиту, что на борту военного корабля мы вовсе не свободны в своих действиях. Необходимость, мой милый мистер Симпл, не ведает закона. Вы должны были заметить, как деликатно я всегда начинаю, когда нахожу что-нибудь не так. Я делаю это в доказательство своего благородства, но ревность к службе заставляет меня изменять речь, чтоб доказать, наконец, что я говорю серьезно. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, как возможность исполнять свои обязанности по-джентльменски, но это невозможно.

– Я, право, не понимаю, почему так?

– В таком случае объясните мне, мистер Симпл, почему ругаются капитан и старший лейтенант?

– На этот вопрос я не могу ответить, но, мне кажется, они делают это в редких случаях.

– Совершенно верно; но, сэр, их редкие случаи составляют мою ежедневную работу и ежечасную обязанность. В повседневной работе на корабле я отвечаю за все, что делается дурно. Жизнь боцмана вся состоит из этих редких случаев, и поэтому я ругаюсь.

– Я все-таки не могу допустить, чтоб это было необходимо, и нет сомнения, что это грешно.

– Извините, сэр, это положительно необходимо и вовсе не грешно. Кабинетный язык не годится на борту корабля, а человек в каждой ситуации должен употреблять те выражения, которые в наибольшей степени способны произвести желаемое действие на его слушателей. Вследствие ли долголетней привычки к службе или равнодушия моряка ко всему обыкновенному, как в событиях, так и в языке, – я не умею яснее высказать своей мысли, мистер Симпл, но знаю, что говорю, – причиной ли тому постоянная раздражительность, но только, чтобы побудить матроса к деятельности, нужно больше стимула. По крайней мере, не подлежит сомнению, что на простых матросов нисколько не действует обыкновенная речь. У нас говорят: «Сделай то-то, черт тебя возьми!», и приказание исполняется тотчас же. Приказание «делай» имеет вес пушечного ядра, которому не достаёт еще силы стремления, а слова «черт тебя возьми» – порох, заставляющий его лететь к исполнению своей обязанности. Понимаете вы меня, мистер Симпл?!

– Понимаю очень хорошо, мистер Чакс, и, без лести, не могу не заметить, что вы отличаетесь от остальных уорент-офицеров. Где вы воспитывались?

– Мистер Симпл, я боцман в чистой рубашке и вдобавок вполне знающий свои обязанности; это я сам говорю, и никто не осмелится противоречить мне. Хоть я не могу похвастать, чтоб был когда-либо знатнее, чем я теперь, но осмелюсь сказать, однако, что был некогда в лучшем обществе, в обществе лордов и леди. Я как-то раз обедал с вашим дедушкой.

– Вы счастливее меня, – заметил я, – дедушка никогда обо мне не спрашивал и вряд ли знает о моем существовании.

– Что я говорю, то правда. До вчерашнего разговора с О'Брайеном я не знал, что лорд Привиледж ваш дедушка; но я очень хорошо помню его, хотя и был еще в то время молод.

Глава тринадцатая

Я откомандирован в дело и попадаю в плен к старой даме, которая, будучи не в состоянии получить мою руку, довольствуется вместо того одним пальцем. – О'Брайен освобождает меня. – Береговой ветер, от которого мы едва не погибли.

Спустя два или три дня после этого разговора с мистером Чаксом капитан направил корабль к берегу, и, находясь в пяти милях от него, мы заметили невдалеке от земли два корабля. Мы распустили все паруса и отрезали их от песчаного мыса, за которым они старались укрыться. Видя невозможность исполнить свое намерение, они устремились к берегу под защиту незначительной батареи из двух пушек, открывшей по нам пальбу. Свист первых ядер, прорезавших наши снасти, показался мне до крайности ужасным, но офицеры и матросы встретили их с улыбкой, а потому, конечно, я тоже постарался улыбнуться, хотя в действительности не находил тут ничего смешного. Капитан скомандовал штирбортной вахте собраться на шканцах, отвязать боты и приготовить их к спуску в море; потом мы бросили якорь на расстоянии одной мили от батареи и завязали с ней перестрелку. Между тем остальной экипаж спустил четыре бота, которые тотчас же наполнились вооруженными людьми и отправились для взятия батареи. Мне очень хотелось участвовать в деле, и О'Брайен, получивший команду над первым катером, взял меня с собой с условием, чтоб я спрятался от капитана на шканцах и оставался там, пока боты не станут отчаливать от корабля. Я выполнил это указание и никем не был замечен. Мы поплыли наискось к батарее. Не более как через десять минут боты ударились о песчаный берег, и мы бросились вон. Французы выпалили из пушек, лишь только мы приблизились к берегу, и потом бросились бежать, так что батарея досталась нам без боя. Этому последнему обстоятельству я был очень рад, потому что по своему возрасту и силам не считал себя способным устоять в рукопашной борьбе со взрослым человеком. Около самой батареи находилось несколько рыбацких хижин, и, между тем как двое из наших ботов отправились к неприятельским кораблям, чтобы посмотреть, можно ли их взять с собой, матросы двух других ботов заколачивали пушки и ломали лафеты, а я отправился с О'Брайеном осматривать хижины. Они были, очевидно, только что оставлены своими хозяевами; но мы нашли в них пропасть рыбы, пойманной, казалось, этим утром.

– Черт! – вскричал О'Брайен, указывая на огромную самку ската¹⁴. – Вот настоящий образ моей бабушки; мы возьмем ее за одно напоминание о моей родине. Питер, всунь ей палец в жабры и тащи к боту.

Я попробовал сунуть палец в ее жабры, но не успел в этом и, полагая, что она уже издохла, запустил его ей в рот. Но я жестоко ошибся, потому что тварь была еще жива, тотчас же сомкнула пасть, прокусила мой палец до кости и стиснула зубы так сильно, что я никак не мог его выдернуть; да и боль была так жестока, что я не решился бы дергать его сильнее. Таким образом я попал в плен к рыбе. Я закричал, к счастью, так громко, что меня услышал О'Брайен, который был уже рядом с ботами и поспешил ко мне на помощь с двумя огромными тресками в руках. Сначала он не мог удержаться от смеха, но, наконец, с помощью ножа заставил рыбу раскрыть рот, и я смог освободить свой жестоко изуродованный палец. Сняв шарф, я привязал его к хвосту ската и потащил к борту, который уже отчаливал. Прочие боты нашли, что неприятельские корабли нельзя взять с собой иначе, как выбросив балласт, а потому по приказанию капитана их зажгли, и, прежде чем мы потеряли их из виду, они уже сгорели до самого трюма. Мой палец болел три недели, и все это время офицеры не переставали смеяться надо мной, говоря, что я едва не попал в плен к «старой деве».

¹⁴ Название одной морской рыбы.

Мы продолжали крейсировать вдоль берегов, пока не вошли в Аркашонский залив, где овладели двумя или тремя кораблями и сверх того загнали множество судов на берег. Здесь с нами случилось приключение, которое показывает, как полезно для военного корабля, чтобы капитан его был хороший моряк и держал свой экипаж в строгом повиновении. Когда уже опасность миновала, я слышал, как офицеры единодушно утверждали, что корабль и экипаж обязаны своим спасением исключительно присутствию духа капитана Савиджа.

Мы загнали неприятельские конвойные корабли в самый конец залива и прижали их к берегу, куда в это время с такой силой били волны, что они непременно должны были разбиться вдребезги, прежде чем успели бы выйти на простор; сделав это, мы начали отходить назад. Ветер дул в ту пору довольно свежий, и так как нам приходилось плыть против него, то мы были вынуждены удвоить рифы на марсстенгах. Погода между тем становилась грозной; через час все небо покрылось сплошной черной тучей, которая спустилась так низко, что почти касалась верхушек мачт. Страшные волны, поднявшиеся вдруг как по мановению волшебника, напирала на нас, подвергая корабль влиянию грозного берегового ветра. С наступлением ночи налетел сильный шквал, и корабль почти исчез под множеством парусов, которые нам пришлось распустить. Если б мы находились в открытом море, то пустили бы в дело одни лееры, но теперь мы решили во что бы то ни стало плыть на всех парусах в надежде проплыть мимо берега, коснувшись его только слегка.

Мы находились между двумя грядами волн, когда море вдруг поднялось, залив водой почти весь корабль от форкастля до нактоуза. И вслед за тем оно опустилось вглубь с такой стремительностью, что, казалось, корабль разлетится надвое от силы удара. Двойные зады были привинчены к пушкам, сверх того их прикрепили к домкрату и прибили крюки к вертлюгам, потому что во время качки мы так сильно опрокидывались на бок, что пушки удерживались только задами и домкратами. Сорвись одна из них с этих поддержек, она непременно перелетела бы через подветренный борт корабля и потонула в волнах.

Капитан, старший лейтенант и большая часть офицеров оставались на палубе в продолжение всей ночи. Гул ветра, проливной дождь, волны, затоплявшие палубу, работа насосов, треск и стоны мачтовых стволов – все это заставляло меня думать, что мы должны погибнуть неизбежно, и я около двенадцати раз принимался молиться, потому что спать было невозможно. Я часто желал из любопытства видеть действие порывистого ветра, но никак не представлял себе сцен подобного рода и не думал, чтоб они могли быть хоть наполовину так страшны. Всего опаснее было то, что мы находились под влиянием берегового ветра, и совещания капитана с офицерами, нетерпение, с которым они ожидали утра, все это доказывало, что нам предстоят еще другие опасности, кроме бури.

Наконец наступило утро, и наблюдатель закричал:

– Земля с подветренной стороны!

Я видел, как шкипер с досадой ударил кулаком по коечным перилам и молча, с печальным видом отошел в сторону.

– Ступайте наверх, мистер Уилсон, – сказал капитан второму лейтенанту, – посмотрите, как далеко простирается земля и виден ли мыс.

Второй лейтенант влез на снасти и оттуда указал на два мыса, находившиеся сбоку корабля.

– Видите вы там два холма?

– Вижу, сэр, – доложил второй лейтенант.

– Ну, так и есть, – сказал капитан, обращаясь к шкиперу. – Если мы обогнем мыс, то у нас будет больше места. Держите круче к ветру, и пусть корабль пробивается сквозь волны! Слышите, квартирмейстер?

– Слышу, сэр.

– Так, и не ближе! Поверните штурвал на одну или на две спицы, если бег корабля слишком быстр; но будьте осторожны, иначе штурвал вырвет из ваших рук.

В эту минуту сцена была величественна. Когда корабль опускался во впадины моря, глазам нашим представлялась пучина возмущившейся воды, но когда он вскидывался на вершины огромных волн, мы видели под собой низкий песчаный берег, покрытый пеной и валунами.

– Корабль хорошо ведет себя, – заметил капитан, подходя к нактоузу и глядя на компас. – Если ветер не отобьет нас, мы обогнем мыс.

Он едва успел сделать это замечание, как паруса затряслись и шумно зашумели.

– Что там у вас, квартирмейстер?

– Ветер развернул нас, сэр, – заметил хладнокровно квартирмейстер.

Капитан и шкипер остановились у нактоуза, наблюдая за компасом, и когда снова наполнились все паруса, компасная стрелка передвинулась на два румба и мыс очутился почти по носу корабля.

– Нужно повернуть корабль, мистер Фокон. Поворачивай корабль, все! Живо, живо!

– Стрелка опять на прежнем месте! – закричал шкипер, стоявший у компаса.

– Стой на минуту! Что показывает компас?

– Северо-северо-восток, как прежде, сэр, стрелка пока еще не передвинулась.

– Отставить! – скомандовал капитан. – Фокон, если она передвинется снова, нам не будет места для поворота корабля; и теперь его уж так мало, что я вынужден рисковать. Какой канат спущен прошедшей ночью – второй якорь?

– Точно так, сэр.

– Сбегайте вниз и прикажите привязать и проштопорить его на тридцатой брассе. Да сделайте это хорошенько – жизнь наша зависит от этого.

Корабль некоторое время продолжал держаться хорошо. Мы были уже в полумиле от мыса и надеялись обогнуть его, как вдруг промокшие, тяжелые паруса снова захлопали в воздухе, и корабль опять уклонился от своего пути на два компасных румба. Холод пробежал по жилам офицеров и матросов, потому что нос корабля повернулся прямо к береговому буруну.

– Оттягивайте изо всех сил, квартирмейстер! – закричал капитан. – Все на корму! Ребята, теперь не время попусту тратить слова; я поверну корабль на якорь, потому что для иного поворота у нас нет места. Единственная надежда на спасение – хладнокровие.

Придерживаясь за снасти, он скомандовал румпель на середину корабля. Потом заботливо взглянул на паруса и на канат, вытянувшийся из носового наветренного полуклюза и удерживавший корабль от приближения к берегу. Наконец закричал:

– Отсеките канат!

Послышалось несколько ударов топора, канат вылетел из клюза, вспыхнув от сильного трения, и исчез в огромной волне, прокатившейся через весь корабль и затопившей его с носа до кормы. Но в это время мы плыли уже в другом галсе, корабль вернулся на прежний путь, и расстояние между нами и землей значительно увеличилось.

– Ребята, – сказал капитан корабельному экипажу, – вы хорошо вели себя, благодарю вас. Но скажу откровенно: нам предстоят еще большие трудности – нужно обогнуть мыс на этом галсе. Мистер Фокон, смените вахту. Что показывает компас?

– Юго-юго-запад, сэр.

– Хорошо, пусть корабль пробивается сквозь волны. И, сделав знак шкиперу следовать за ним, капитан отправился в каюту. Так как непосредственная опасность миновала, то я ушел в каюту посмотреть, нельзя ли чем позавтракать. Здесь нашел я О'Брайена и двух или трех других мичманов.

– Клянусь Всевышним! Это было дело, какого я не видывал еще до сих пор! – вскричал О'Брайен. – Малейшее замедление или ошибка в маневре – и в эту минуту морские рыбы уже возились бы с нашими изуродованными трупами. Питер, ты не любишь морских рыб, не правда

ли? Мы должны благодарить небо и капитана, уверяю вас, ребята. Где карта, Робинсон? Поддай мне линейку и циркуль, Питер, – вон там, в углу ящичка. Вот где мы теперь; дьявольски близки к этому адскому мысу. Кто знает, что показывает компас?

– Я знаю, О'Брайен; я слышал квартирмейстер сказал капитану, что стрелка стоит на юго-юго-западе.

– Посмотрим, – сказал О'Брайен и поставил на карте точку, означавшую положение корабля. Затем произведя какие-то измерения с помощью циркуля и линейки и вычислив что-то в уме, воскликнул: – Черт возьми! Здесь ровно столько пространства, сколько нужно, чтобы обогнуть мыс на теперешнем шкоте, на это ведь и намекал капитан, говоря, что нам предстоит еще много трудностей. Я готов поклясться на Библии, что мы минуем все, если устоит ветер.

Закончив свои измерения и расчеты, О'Брайен продолжал:

– Все будет хорошо, если мы обогнем мыс; залив глубок по ту сторону. Посмотрите-ка, этот мыс очень скалистый, вы видите. Но хорошо, ребята! Что бы там ни было, а у меня есть маленькое утешенье для вас. Вы не долго останетесь в недоумении, потому что в час полудни мы либо поздравим друг друга со счастливым избавлением, либо уже не в состоянии будем и молить о нем. Ну, долой карту: я не люблю иметь перед глазами грустную перспективу. Буфетчик, подайте нам чего-нибудь в утешение.

Хлеб, сыр и остатки вчерашней вареной свинины были разложены на столе, здесь же появилась и бутылка рому, но мы были слишком беспокойны, чтобы много есть, и один за другим отправлялись на палубу посмотреть, какова погода и благоприятнее ли становится ветер.

На палубе старшие офицеры разговаривали с капитаном, выразившим те же самые опасения, как и О'Брайен в мичманской каюте. Матросы, знавшие, что их ожидает, потому что вести этого рода быстро распространяются на корабле, составили со своей стороны также кружки; лица их были печальны, но в то же время доверчивы. Они знали, что могут положиться на своего капитана, насколько можно полагаться на человеческое искусство и мужество; моряки же не привыкли отчаиваться даже в последнюю минуту. Что касается меня, я чувствовал такое уважение к капитану после всего, что видел утром, что хотя мне и приходила мысль, что, по всей вероятности, я погибну через несколько часов, но я не мог не сознавать, насколько тяжелее для отечества утрата такого человека, как капитан. Я не говорю, чтоб это служило мне утешением, наоборот, это заставляло меня еще с большей грустью ожидать опасностей, угрожавших нам.

Около полудня мы были уже на виду скалистого мыса, находившегося с подветренной стороны, и если его низкий песчаный берег казался нам страшным издали, то насколько страшнее показался он нам на таком близком расстоянии. Черные массы скал были покрыты пеной, которая ежеминутно вскидывалась выше вершущек наших маленьких мачт. Несколько минут капитан смотрел на них молча, как бы соображая что-то.

– Мистер Фокон, – сказал он наконец, – нужно распустить грот.

– Корабль не в состоянии будет выдержать его, сэр.

– Он должен выдержать, – отвечал капитан. – Пошлите побольше людей на корму к главному шкоту, да приставьте самых надежных к гитовам.

Распустили грот; ужасно было действие, произведенное им на корабль; он опустился до того, что даже виндзейли погрузились в море, и при всяком новом привале волн подветренная сторона четвердека и сходни затоплялись водой. В эту минуту он напоминал собой горячего, неукротимого коня: он не плыл, как прежде, а летел по бурному морю, рассекая волны, которые беспрестанным потоком заливали бак и нижние палубы. Четверо матросов держали штурвал. Экипаж вынужден был уцепиться за снасти, чтобы не быть унесенным водой, канаты разбросались в беспорядке на подветренном боку корабля; ядра выкатывались из ларей, и все глаза устремились наверх, ожидая каждую минуту падения мачт в море. Тяжелая волна ударила о бок корабля, и в продолжение нескольких минут он не мог оправиться от этого потрясения:

дрогнул, закачался, остановился, как бы в ужасе. Старший лейтенант взглянул на капитана с таким видом, как будто бы хотел сказать:

– Попытка не удастся.

– Это наша последняя надежда, – ответил капитан на его немое замечание.

Ясно было, что корабль стал быстрее пробиваться сквозь волны и держался лучшего ветра; но в ту самую минуту, как мы подошли к мысу, буря усилилась.

– Если что сломается теперь, мы погибли, сэр, – заметил старший лейтенант.

– Я знаю, – ответил капитан спокойным голосом, – но, как я уже сказал, и вы сами должны видеть теперь, это наша надежда. Если в расположении и в укреплении снастей допущена какая-нибудь беспечность или ошибка, то все это скажется теперь; опасность эта, если мы избежим ее, будет напоминать нам, какой ответственности подвергает нас нерадение к должности. Беспечное и неблагоразумное поведение офицера в гавани бывает причиной гибели всего экипажа. Я отдаю вам справедливость, Фокон, выражая убеждение мое в том, что мачты корабля укреплены так, как может укрепить их только человек опытный и внимательный.

Старший лейтенант поблагодарил капитана за такое доброе мнение и выразил надежду, что это не последний комплимент, который ему придется услышать.

– Я надеюсь также, но через несколько минут дело выяснится.

Корабль находился в это время на расстоянии двух кабельтовых от скалистого мыса. Я заметил, что некоторые из матросов ломали руки, но большая часть молча снимала куртки и башмаки, чтобы облегчить себе последнее средство к спасению в случае, если корабль разобьется.

– Он ударится, но все-таки пройдет, Фокон, – заметил капитан.

С тех пор, как распустили грот, я целых полчаса находился близ капитана, прицелившись к соседнему анкерштоку, и таким образом мог слышать разговор.

– Пойдемте на корму, мы подержим с вами штурвал. Нам понадобится сейчас побольше рук и, к счастью, теперь только там.

Капитан и старший лейтенант отправились на корму и ухватились за передние спицы, между тем как О'Брайен, по знаку капитана присоединившийся к ним, взялся за третью, а старший квартирмейстер за четвертую. Рев волн, напиравших на скалы, и завывание ветра были страшны, но зрелище ужасом своим далеко превосходило шум. На несколько минут я закрыл глаза, но страх заставил меня открыть их. Сколько я мог судить, мы были менее чем в двадцати ярдах от скал, когда корабль проходил мимо них. Мы находились посреди пены, кипевшей вокруг корабля; и когда он подошел ближе к берегу и погрузился в волну, я подумал, что рей ударился о скалу. В это время порыв ветра ударил в корабль и, наклонив его набок, приостановил его бег. Столпившиеся волны оглушали нас своим ревом. Через некоторое время корабль потянулся, страшная волна поднялась над ним, ударила о скалу, и пена, отлетев назад, затопила палубу. Огромная скала находилась в десяти ярдах от нашей кормы, когда другой порыв ветра бросил нас концами реев на скалу, марс-стенга и грот лопнули и, сорванные ветром, упали на связку канатов; корабль выпрямился, ныряя то носом, то кормою.

Я оглянулся и увидел скалы на подветренной стороне шканцов. Мы были спасены! Мне показалось, что корабль, снова выпрямившийся и спокойно колыхавшийся на волнах, переживал некоторое подобие облегчения, которое мы сами почувствовали в эту минуту: подобно ему, мы затрепетали, обрадованные внезапной переменой, и ощущали внутри себя спад напряженного опасения, стеснявшего грудь.

Капитан остановил штурвал и отошел взглянуть на мыс, оставшийся сейчас за кормой в наветренной стороне. Потом он приказал мистеру Фокону привязать новые паруса и отправился в свою каюту. Я убежден, что он пошел благодарить Бога за наше спасение; со своей стороны, я усердно исполнил ту же обязанность и не только сейчас же, но и вечером, ложась в койку. Теперь мы были относительно спасены, но спустя несколько часов мы увидели себя в

полной безопасности. И странное дело: лишь только мы обогнули мыс, буря утихла. Мне пришлось быть в утренней вахте, и, заметив мистера Чакса на баке, я подошел к нему с вопросом: какого он мнения о вчерашнем происшествии.

– Какого мнения, сэр? – переспросил он. – Я всегда дурного мнения о стихиях, когда они заглушают мой свисток: по мне, это глупая шутка. Терпеть не могу, чтобы корабельному экипажу предоставлялась полная свобода действий, да и что может он сделать, когда не слышит свистка боцмана? Впрочем, мы должны еще благодарить Бога и молить Его, чтобы он сделал из нас лучших христиан, чем мы есть сейчас. Что же касается этого плотника, он сумасшедший: в ту самую минуту, когда мы огибали мыс, он шепнул мне, что за двадцать семь тысяч шестьсот с хвостиком лет было совершенно то же самое. Я думаю, на смертном одре (а он недалеко был вчера от очень жестокого) он станет рассказывать нам, как точно таким же образом он умирал несколько тысяч лет тому назад. А этот пушкарь – такой же дурак. Поверите ли, мистер Симпл, он кричал, бегая по палубе: «О, мои бедные пушки! Что будет с ними, если они сорвутся?» Он, казалось, считал неважным делом гибель корабля и экипажа, только бы его пушки в безопасности пристали к берегу. «Мистер Диспарт, – сказал я наконец, – позвольте вам заметить самым деликатным образом в свете, вы просто старый дурак». Вы понимаете, мистер Симпл, обязанность офицера – заботиться об общем и обращать внимание на частность из уважения к безопасности целого. Я смотрю за якорями и канатами, как и за снастями, и не отдаю никакого преимущества одному перед другим, потому что безопасность корабля зависит от хорошего устройства целого. Это все равно, что если бы я стал плакать, когда мы вчера утром вынуждены были пожертвовать якорем и канатом, чтобы помешать кораблю наткнуться на берег.

– Правда ваша, мистер Чакс, – ответил я.

– Личные переживания, – продолжал он, – должны всегда приноситься в жертву общественному благу. Как вам известно, вода затопила нижние палубы и подмыла наши каюты и сундуки; но я тогда и не думал о моих рубашках, а потом нахожу их плавающими между передними снастями без малейшей частички крахмала на воротниках и манишках. Теперь мне нельзя будет показаться в приличном виде в продолжение всего крейсерства.

В это самое время проходивший мимо нас плотник слегка задел его локтем.

– Виноват, сэр, – сказал он, – корабль так сильно качается.

– Корабль качается! – воскликнул боцман, приведенный в дурное расположение духа, как я полагаю, воспоминанием о своем испорченном гардеробе. – Спрашиваю вас, мистер плотник, ужели небо наделило вас двумя ногами с суставами у колен только для того, чтобы вы могли противодействовать одному горизонтальному падению корпуса? Или вы думаете, они созданы только, чтобы вам возиться вокруг бочки? Послушайте, сэр, не принимаете ли вы меня за столб, что вздумали чесать об меня свою свиную шкуру? Позвольте мне заметить, внушить вам, что, когда вы проходите мимо офицера, ваша обязанность держаться на почтительном расстоянии, а не пачкать его платья вашей грязной курткой. Понимаете ли вы меня, сэр? Или вот эта вещь должна напомнить вам, как вести себя впредь? – Дубинка поднялась и обрушилась градом ударов на плечи бочара, так что тот вынужден был обратиться в бегство. – Вот тебе, подлый доскострогатель, буравносец! Извините, мистер Симпл, что я прервал ваш разговор, но мы должны покоряться требованиям долга.

– Правда ваша, мистер Чакс. Но вот уже семь часов, мне нужно сходить за шкипером, прощайте!

Глава четырнадцатая

Вести из дому. – Утомительное гуляние в Гибралтаре. – Еще кой-какие подробности из жизни мистера Чакса. – Стычка с неприятелем.

Спустя несколько дней нас догнал катер, шедший из Плимута, и передал нам приказание плыть в Гибралтар, где мы должны были узнать о своем назначении. Все мы были очень рады этому, потому что крейсерство в Бискайском заливе уже наскучило нам, и, понимая, что придется стоять в Средиземном море, мы надеялись на тихий ветерок и ясное небо вместо бурь и дурной погоды. Между прочим, катер привез нам письма и газеты. Я никогда не был так счастлив, как в ту минуту, когда мне вручили письмо. И в самом деле, лишь вдалеке от родных и друзей можно понять, какое это удовольствие – получить письмо. Чтобы ничто не помешало мне насладиться этим удовольствием, я удалился вниз, в самое уединенное место, где хранятся румпелевые снаряды. Еще не распечатывая письма, я плакал от радости, и о мне пришлось еще больше плакать от печали, когда я прочел в нем, что старший брат мой, Том, умер от тифа. Бедный Том! Вспоминая все шутки, какие он сыграл со мной, вспоминая его обыкновение занимать у меня деньги и никогда не платить, привычку бить меня и заставлять повиноваться себе как старшему брату, я проливал по нему потоки слез; потом мне пришла мысль, как несчастна теперь матушка, и это снова вызвало у меня слезы.

– Что с тобой, молокосос? – спросил О'Брайен, увидев меня. – Кто еще поколотил тебя?

– Никто, – отвечал я, – но мой старший брат Том умер, а у меня нет другого.

– Что же, Питер, я уверен, он был добрым тебе братом; но я открою тебе секрет. Когда ты доживешь до бороды, то увидишь, что не стоит делать столько шума из-за старшего брата. Но ты все еще добрый невинный ребенок, и я не хочу тебя бить за это. Пойдем, Питер, утри глаза и не думай о брате; после ужина мы выпьем за его здоровье, пожелаем ему многие лета и забудем о нем.

Несколько дней я был печален; но плавание вдоль португальских и испанских берегов было так восхитительно, погода была такая теплая, море такое гладкое, что, боюсь, я забыл о смерти брата раньше, чем следовало. Впрочем, как могло это быть иначе? Мне было весело, новость зрелища не допускала мрачных дум, к тому же другие были так довольны и счастливы, что мне невозможно было не последовать их примеру.

Спустя две недели мы бросили якорь в гавани Гибралтара, и корабль был расснашен для починки. Дел у нас было так много, что я не осмеливался проситься на берег. В самом деле, мистер Фокон отказал уже в этом многим из моих товарищей, и я счел за лучшее и не заикаться об отпуске, хотя и сильно желал видеть место, пользовавшееся во мнении всех такой славой. Однажды вечером, между тем как матросы ужинали, я стоял на шкафуте и смотрел вдаль по направлению к берегу.

– О чем вы думаете, мистер Симпл? – спросил подошедший ко мне мистер Фокон.

Я отвечал, приложив палец к треуголке, что удивляюсь, каким образом прорезали галереи в такой твердой скале, и прибавил, что это, должно быть, очень любопытное здание.

– Значит, вам очень любопытно видеть его? Хорошо, так как вы несли службу исправно и не просились на берег, то завтра утром я отпущу вас до первого пушечного выстрела.

Офицеры были приглашены обедать в казармы, и все, кто только мог отпроситься, намеревались отправиться туда, а потому я очень рад был этому позволению, так как мне тоже можно было присоединиться к их обществу. Сам старший лейтенант отказался под предлогом, что у него много дел на борту; но большая часть офицеров кают-компании и некоторые из мичманов получили отпуск.

Мы гуляли по городу и укреплениям, пока не пришло время обедать, а потом отправились в казармы. Обед был недурен, и мы провели время очень весело; но когда подали десерт,

я незаметно ускользнул из комнаты с одним молодым офицером, который повел меня по галереям, объясняя все, что я желал знать.

Корабль пробыл в Гибралтарской гавани около трех недель, и за это время мы успели починить снасти на носу и на корме, заштопать койки и вычистить трюм, даже покрасили наружную сторону корабля. Он никогда не был так красив, как в ту минуту, когда в исполнение приказания, полученного нами, мы вышли из порта, чтобы соединиться с адмиралом. Мы вышли из пролива при попутном ветре и на закате солнца находились уже в шестнадцати милях от гибралтарского утеса, ясно различимого в виде голубого облака, сохранявшего совершенно правильные очертания. Я упоминаю об этом потому, что читатель, может быть, не поверит, что можно видеть землю на таком расстоянии. Мы держали путь на Капде-Гату и на следующий день были уже у самого берега. Мне очень нравились испанские берега. Гора возвышается над горою, холм над холмом, и все это почти до самых вершин покрыто виноградниками. Мы могли бы пристать к берегу в каком угодно месте, потому что были тогда в мире с испанцами, но капитан торопился соединиться с адмиралом. Ветер дул постоянно тихий, и в два-три дня мы находились уже в виду Валенсии, недавно усмирённой. Я стоял на мостике, обозревая с помощью телескопа дома и сады, окружавшие город, когда ко мне подошел мистер Чакс.

– Мистер Симпл, одолжите мне на минуту трубу; я желаю посмотреть, существует ли еще строение, которое по некоторым причинам осталось у меня в памяти.

– Разве вы были на этом берегу?

– Да, мистер Симпл, я чуть не разбился об него, но успел, однако ж, ретироваться без большого ущерба.

– Вы хотите сказать, что потерпели здесь крушение?

– Да, но не корабль мой, мистер Симпл, а спокойствие моего духа. Но это случилось уже много лет тому назад, когда я служил еще на корвете старшим помощником боцмана.

В продолжение этого разговора он не переставал смотреть в телескоп.

– Да, вот оно, – продолжал он, – нашел наконец. Посмотрите, мистер Симпл, видите вы маленькую деревню и церковь из светлой черепицы со шпилем, который блестит, будто иголка?

– Вижу.

– А теперь видите, прямо над церковью, немножко вправо, длинный белый дом с четырьмя узкими окнами – вот у той рощи лимонов?

– Вижу, вижу! Но что это за дом, мистер Чакс?

– С ним связано одно происшествие, – отвечал он, испуская вздох, который, по крайней мере, на шесть вершков поднял и потом опустил манишку его рубашки.

– Что это за тайна, мистер Чакс?

– Я вам открою ее, мистер Симпл. В одну из обитательниц этого дома я был влюблен в первый и последний раз в моей жизни.

– В самом деле! Хотелось бы выслушать эту историю.

– Где мистер Чакс? Позовите боцмана сюда! – закричал старший лейтенант.

– Здесь я! – отвечал мистер Чакс и поспешил на корму, оставив меня и прервав свой рассказ.

– Мне донесли, что поперечные бакштаги совсем истерлись. Подите, посмотрите! – сказал старший лейтенант.

– Слушаю, сэр! – ответил боцман и тотчас же полез на снасти.

– А вы, мистер Симпл, прикажите вымыть квартердек.

– Слушаю, сэр! – сказал я.

Таким образом разговор наш был прерван. В эту ночь погода переменилась, и в продолжение следующих шести или семи дней постоянного дождя и встречных ветров я не имел времени слушать историю мистера Чакса.

Мы соединились с тулонским флотом, и капитан отправился на борт адмиральского корабля засвидетельствовать свое почтение адмиралу. По его возвращении мы узнали от старшего лейтенанта, что нам придется оставаться при флоте до прихода другого фрегата, который ожидался через две недели, тогда адмирал обещал назначить нас снова в крейсерство.

Два дня спустя после того, как мы соединились с флотом, мы были прикомандированы к береговой эскадре, состоявшей из двух линейных кораблей и четырех фрегатов. Французский флот имел обыкновение выходить из гавани и маневрировать под защитой своих батарей; если же иногда и отходил немного далее от берега, то лишь в тех случаях, когда мог рассчитывать на попутный ветер при возвращении в порт. Мы держались берега около недели, ежедневно пересчитывая в гавани французский флот, чтобы видеть, все ли корабли налицо, и доносить о том адмиралу с помощью сигналов. Вдруг в одно прекрасное утро французские корабли менее нежели в час снялись с якоря и выступили из гавани. Мы были готовы к сражению и ночью, и днем, и часто во время рекогносцировки завязывали перестрелку с неприятелем. Наша береговая эскадра не могла, конечно, бороться одна с целым французским флотом, и потому командовавший нами капитан линейного корабля, в надежде завлечь его далее от берега и как бы избегая битвы, отступил по направлению к нашему флоту, находившемуся в двенадцати милях от нас в открытом море. Но завлечь неприятеля было нелегко, так как он знал, что малейшая перемена ветра может принудить его вступить в сражение, которого он избегал и которого мы так сильно добивались. Я говорю мы, имея в виду англичан, а не самого себя, потому что, сказать правду, я не очень-то желал этого. Не то чтобы трусил, но я чувствовал какое-то неприятное ощущение при свисте пушечных ядер, к которому не успел еще привыкнуть.

Как бы то ни было, четыре французских фрегата направились в нашу сторону и в четырех милях от берега соединились с четырьмя другими линейными кораблями, высланными к ним для подкрепления. Наш капитан и капитан фрегата выкинули сигналы, испрашивая позволение напасть на неприятеля, и тотчас же получили его. Мы немедленно распустили все паруса, собрали экипаж на шкафутах, приготовили пушки, открыли пороховые ящики.

Французские линейные корабли, заметив, что только двое из наших фрегатов были высланы против четырех, устремились на нас, соблюдая такое же расстояние между собою и своими фрегатами, какое было между нами и нашими линейными кораблями с двумя другими фрегатами. Между тем наш главный флот на всех парусах приближался к берегу; со своей стороны французский главный флот также постепенно подходил ближе к своим кораблям, откомандированным против нас.

Вся эта сцена напоминала турниры, о которых я читал; это был вызов на поединок с тою только разницей, что неприятелей было двое против одного, – чистое признание с их стороны нашего превосходства. Через час мы были уже так близко друг от друга, что французские фрегаты распустили все паруса и открыли огонь. Мы удерживались от пальбы, пока не подошли к ним на четверть мили; тогда выстрелили в ближайший неприятельский фрегат залпом со всего лага и обменялись с ним выстрелами с противоположных шкотов. Корабль «Сихорс», следовавший за нами, также выстрелил лагом. Таким образом мы обменялись лагами со всеми четырьмя неприятельскими судами, имея явный перевес на своей стороне, потому что они не успевали заряжать так скоро, как мы. Оба наши фрегата были готовы снова встретить огнем французские фрегаты, когда они проходили мимо нас, тогда как они не могли приготовить лага против «Сихорса», следовавшего по нашим пятам. Таким образом они получили по два лага; на долю «Диомеда» досталось четыре, а «Сихорсу» ни одного. Наши снасти были большей частью разорваны, шесть или семь человек ранено, но не убито ни одного. Французские фрегаты пострадали еще более, и адмирал их, заметив, что они отрезаны от своих, подал сигнал к отступлению.

Между тем мы поворотили оба корабля и приблизились к шкафуту самого заднего фрегата. Заметив его, линейные корабли устремились на помощь своим фрегатам; со своей сто-

роны наша береговая эскадра тоже поспешила к нам на помощь и остановилась невдалеке от нас. Ветер был в это время, как говорят на море, солдатский, то есть дул так, что корабли не могли ни войти в гавань, ни выйти из нее. Тем не менее французские фрегаты, согласно с полученным приказом, направлялись к своему флоту, стоявшему у берега, между тем как линейные корабли для подкрепления выходили им навстречу. Но капитан наш не хотел допустить их до этого, и хотя мы и без того с каждой минутой подходили ближе к французским линейным кораблям, но он ринулся в середину строя и завязал с нами жаркую перестрелку лагами. Один из них лишился марсовой мачты и перекачнулся на корму; мы уже надеялись отрезать его, но остальные, чтобы отстоять его, убавили паруса.

Это продолжалось около двадцати минут, пока, наконец, расстояние между ними и французскими кораблями сократилось до одной мили. Тут уже собственный наш командир из опасения, чтобы нас не осилили, подал сигнал к отступлению.

Но «Сихорс», заметивший сигнал, не хотел его повторить; наш капитан тоже решил не замечать ничего и приказал сигнальщику не смотреть в ту сторону. Битва продолжалась. Два французских фрегата были совершенно расщеплены ядрами и погибли. Тут только начали пальбу линейные корабли, и мы почувствовали, что время убираться. Разрядив в них еще раз свои лаги, мы повернули к нашей эскадре, находившейся в четырех милях с подветренной стороны и готовившейся в случае надобности лететь к нам на помощь. При повороте наша гротмарсовая мачта, сильно подбитая ядрами, упала за борт, и французы, заметив это, на всех парусах устремились к нам в надежде завладеть нами. Но «Сихорс» не покинул нас; мы повернули к ветру и бросились к ним навстречу.

На расстоянии двух кабельтовых от них мы остановились, чтобы дать время догнать нас нашим собственным кораблям.

В эту минуту один из линейных кораблей, не уступавший в быстроте фрегатам, приблизился и выстрелил в нас лагом. Ядра прожужжали мимо наших ушей, и я ожидал, что мы непременно будем взяты; однако вышло наоборот; хотя мы и лишились нескольких матросов, но я слышал, как капитан сказал старшему лейтенанту:

– Ну, теперь если они еще будут медлить, то попадут в наши руки; это неизбежно, как судьба.

В эту самую минуту наши линейные корабли начали пальбу, и роли поменялись.

Французы повернули к ветру и с поспешностью обратились в бегство, преследуемые береговой эскадрой, за исключением нашего корабля, слишком поврежденного, чтобы преследовать. Один из их фрегатов буксировал на себе другой, лишившийся своей фок-мачты, и эскадре нашей ничего не стоило завладеть им.

Для помощи кораблям, участвовавшим в битве, с одной стороны в трех милях стоял английский флот, с другой – французский, так что мы думали, что завяжется генеральное сражение, однако обманулись в своих надеждах. Фрегат, буксировавший другой корабль, видя, что он не в состоянии спастись сам, отвязал его и бросил на произвол судьбы, которой угодно было, чтобы тот спустил свой флаг перед командиром береговой эскадры. Преследование продолжалось, пока все французские корабли не укрылись под защитой своих батарей. Тогда и наш флот возвратился на свою стоянку, ведя за собой приз, оказавшийся тридцатишестипушечным фрегатом «Нарцисс» капитана Лепельтона.

Наш капитан сильно возвысился во мнении начальства своим прекрасным поведением в этой схватке. У нас было трое убитых, в том числе мичман Робинсон, и десять раненых; некоторые ранены довольно опасно. Кажется, битва эта излечила меня от боязни пушечных ядер, потому что в течение немногих дней, которые мы провели с флотом, нас часто обстреливали во время рекогносцировки, но я уже не обращал на это внимания.

Фрегат явился к тому времени, когда его ожидали, и мы получили позволение отделиться от эскадры.

Мы были очень рады, когда нам подали этот сигнал, потому что с таким предприимчивым капитаном надеялись добыть кучу призовых денег. Мы отправились к тому месту, где французские берега объединяются с испанскими, с тем чтобы сообразно с приказом, данным нашему капитану, захватить конвои, посылаемые для снабжения французской армии оружием и провиантом.

Мы прибыли к месту нашей стоянки у берегов Перпиньяна.

Едва мы приблизились к земле, как сильный шквал погнал нас назад; но все бури так сходны между собою, что я не стану описывать вам этого шквала. Упоминаю о нем только, чтобы передать разговор, очень меня позабавивший.

Я находился около капитана, когда он послал за мистером Мадли, плотником, только что осмотревшим гротмарса-рей.

– Ну что, мистер Мадли? – спросил капитан.

– Совсем оторвался, сэр; но, я надеюсь, мы сумеем умиротворить его.

– В состоянии вы укрепить его на время, мистер Мадли? – перебил капитан с досадой.

– Мы в полчаса умиротворим его, сэр.

– Желательно бы мне, мистер Мадли, чтобы в разговоре со мной вы выражались общепонятным языком. Я думаю, словом умиротворить вы хотите сказать, что вы можете укрепить грот-марса-рей. Так ли?

– Да, сэр, это действительно моя мысль. Я не намерен был сердить вас, капитан Савидж, и никак не предполагал, что вам не понравится мое выражение.

– Хорошо, мистер Мадли, я в первый раз делаю вам подобное замечание; постарайтесь, чтобы это было и в последний.

– В первый раз, – возразил плотник, не в силах поступиться своей философией. – Прошу извинить, капитан Савидж, вы бранили меня за это и на этом самом квартердеке 27672 года тому назад и...

– Если это уже было, мистер Мадли, – перебил капитан сердито, – то будьте уверены, что тогда же я приказывал вам лезть на снасти и исполнять вашу обязанность, вместо того чтобы болтать чепуху на квартердеке; и хотя, как вы говорите, ни вы, ни я не помним об этом, но так как вы не исполнили тотчас мое приказание, я посадил вас под арест и принудил оставить корабль по прибытии в гавань. Понимаете вы меня, сэр?

– Мое мнение, сэр, – возразил плотник, почтительно приложив палец к фуражке и взбираясь на снасти, – ничего этого не было, потому что я тотчас не отправился наверх, как делаю и теперь, – продолжал неизлечимый мистер Мадли уже на снастях, – как сделаю спустя еще 27672 года.

– Этот человек неисправим в своей нелепости, – заметил капитан старшему лейтенанту. – Ему только бы иметь слушателя своих смешных теорий, а там хоть все мачты лети в море.

– Он недурной плотник, сэр, – ответил старший лейтенант.

– Знаю, – сказал капитан, – но всему есть свое время.

В эту самую минуту со снастей сошел боцман.

– Ну, мистер Чакс, что вы думаете о грот-марсарее? Нужно ли его заменить? – спросил капитан.

– Я думаю, капитан Савидж, что в настоящее время состояние его эфемерно и зыбко; но с помощью малой толики человеческого искусства – четырех сажень трехдюймовых досок и полдюжины гвоздей в десять пенсов – он будет висеть, пока не наступит для него время оторваться снова.

– Я не понял вас, мистер Чакс, через сколько времени должен оторваться рей?

– Это относится не к нашему времени, сэр, – отвечал боцман, – а к 27672 годам мистера Мадли, когда...

– Ступайте, сэр, занимайтесь своим делом! – закричал раздраженным голосом капитан. – Кажется, наши офицеры с ума сошли, – продолжал он потом, обращаясь к старшему лейтенанту: – Где слыхано, чтобы боцман употреблял такие выражения, как «эфемерный и зыбкий»? Его пребывание на корабле будет эфемерно и зыбко, если он не исправится.

– У него очень странный характер, сэр, – возразил старший лейтенант, – но я не колеблюсь скажу, что это лучший боцман на службе его королевского величества.

Глава пятнадцатая

Я участвую в деле, получаю рану и попадаю в плен с О'Брайеном. – Коса находит на камень. – Нам оказывают хороший прием. – Первое свидание с Селестой.

Теперь я должен рассказать об одном приключении, имевшем, несмотря на мою тогдашнюю молодость, серьезное влияние на всю остальную мою жизнь. Как мало мы знаем утром, что принесет нам вечер!

Мы возвратились к нашей стоянке и несколько дней были у берегов, как однажды поутру, находясь не более как в четырех милях от города Сета, заметили огромный конвой кораблей, огибавший мыс. Наш флот погнался за ним на всех парусах и принудил его бросить якорь у самого берега под защитой батареи, которой мы не замечали, пока она не открыла по нам огонь. Во фрегат попали два или три ядра, потому что море было тихо, а батарея находилась с ним почти на одном уровне. Капитан повернул корабль и держался вне батарейного огня, пока не спущены были боты, чтобы плыть на берег для взятия батареи. О'Брайен находился на катере, которым он командовал, и опять позволил мне ехать с собой.

– Ну, Питер, посмотрим, какого рода рыбу ты привезешь сегодня на борт, – сказал он, когда мы отчалили, – быть может, на этот раз ты так легко не отделаешься.

Матросы, находившиеся на боте, усмехнулись, и я отвечал, что меня нужно ранить опаснее прежнего, чтоб снова взять в плен. Мы устремились к берегу под огнем неприятельских канонерских лодок, оберегавших конвой, причем лишились трех матросов и напали на батарею, которой овладели без сопротивления, потому что французские артиллеристы бежали, увидев нас. Капитан строго приказал нам не оставаться при батарее ни минуты и, взяв ее, идти на abordage канонерских лодок. При батарее же он велел оставить один только маленький ботик с оружейником, чтоб заклепать пушки, потому что ему известно было, что вдоль берега расставлены войска, которые могут атаковать нас. Старший лейтенант, командовавший всей экспедицией, приказал остаться О'Брайену с первым катером и отчаливать, лишь только оружейник заклепает пушки. О'Брайен и я остались вместе с оружейником у батареи, матросов же мы послали в бот, приказав им быть наготове отчаливать по первому знаку. Мы заклепали уже все пушки, кроме одной, как вдруг раздался залп из мушкетов, убивший наповал оружейника и ранивший меня в ногу, повыше колена. Я упал к ногам О'Брайена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.